

РОЗАМУНД ЛАПТОН

Международный бестселлер —
продано более **1 500 000**
экземпляров!

Разгадай мою СМЕРТЬ

Розамунд Лаптон

Разгадай мою смерть

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6888472

Разгадай мою смерть : [роман] / Розамунд Лаптон: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-083248-4

Аннотация

Ничто не может разорвать связь между сестрами...

Беатрис Хемминг, тяжело переживающая смерть младшей сестры Тесс, не верит, что та совершила самоубийство.

Беатрис убеждена – Тесс убили.

Но кто убийца?

Женатый любовник, от которого забеременела ее сестра?

Однокурсник, докучавший ей чрезмерным вниманием?

Или таинственный человек в маске, которого все вокруг считали лишь порождением неумного воображения Тесс?

Полиция отказывается проверять подозрения Беатрис.

И тогда она решает разгадать тайну гибели сестры самостоятельно – чего бы это ни стоило...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	39
Глава 3	75
Глава 4	91
Глава 5	108
Глава 6	125
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Розамунд Лаптон

Разгадай мою смерть

Rosamund Lupton
SISTER

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency.

© Rosamund Lupton, 2010

© Школа перевода В. Баканова, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*Посвящается моим родителям,
Киту и Джейн Орд-Полетт,
за их неизменный дар вдохновлять*

А также моему мужу Мартину, с любовью

*Где еще видели вы такую преданную дочь,
нежную сестру, такого верного друга?¹*

Джейн Остен. «Эмма»

Цветы погибли, встретившись с зимой,

А сущность их сохранена живой².

Уильям Шекспир. Сонет V

¹ Пер. М. Канн.

² Пер. А. Кузнецова.

Глава 1

Воскресенье, вечер

Милая моя Тесс!

Я отдала бы все на свете, лишь бы оказаться рядом с тобой прямо сейчас, в эту минуту, лишь бы держать тебя за руку, смотреть в глаза, слышать твой голос. Разве можно сравнивать чувственные ощущения – работу зрительных нервов и осязательных рецепторов, вибрацию звуковых волн в ухе – с перепиской? Но мы привыкли общаться на бумаге, верно? Еще с того времени, когда меня отправили в частную школу и нам пришлось заменить игры, смех и доверительный шепот письмами друг к другу. Не помню, о чем писала тебе в первом письме; помню только, что сделала из него пазл, дабы оно не попало на глаза старшей воспитательнице. (Кстати, я угадала правильно: детская любовь к складыванию картинок давно умерла в ее сердце.) Зато я слово в слово помню ответ семилетней сестренки на мою тоску, разрезанную зигзагами. Невидимые чернила из лимонного сока, которыми ты воспользовалась, проступили на бумаге только при свете фонарика. С тех пор доброта навсегда связана для меня с запахом лимона.

Журналистам понравилась бы эта история. Нас изобразили бы маленькими заговорщицами, подчеркнув, как близки мы были с самого детства. Сейчас они стоят перед твоим до-

мом – съемочные группы с камерами, звукооператоры, осветители. Потные лица, испачканные куртки, черные змейки проводов струятся по лестнице и путаются в ограде. Понимаю, все это пустяки, но можно ли иначе описать происходящее? Не знаю точно, как ты отнесешься к тому, что в некотором роде стала знаменитостью, – пожалуй, найдешь этот факт забавным. Забавным и нелепым. Лично я оцениваю его исключительно как нелепый, но ведь мое чувство юмора всегда отличалось от твоего, правда?

– Тебя выгнали с урока, это не шутки! – негодую я. – В следующий раз вообще исключат из школы, а маме и без того хватает забот!

Учительница застучала тебя, когда ты тайком пронесла в школу любимого кролика. Я играю роль образцовой старшей сестры.

– Пчелка Би, ну разве это не забавно? – отвечаешь ты, кусая губы, чтобы не рассмеяться. Ты словно бутылка газировки, из которой на поверхность рвутся пузырьки искристых смешинок.

Воспоминание о твоём смехе придает мне мужества, и я подхожу к окну. Узнаю журналиста одного из спутниковых новостных каналов. Я привыкла видеть его лицо в плоском изображении на экране плазменного телевизора у себя дома в Нью-Йорке, а сейчас он стоит живьем, в трехмерном объе-

ме, на Чепстоу-роуд и глядит прямо на меня через окно первого этажа. Я испытываю непроизвольное желание выключить телевизор; вместо этого задерживаю шторы.

Однако теперь, когда репортеров не видно, мне только хуже. Их осветительные лампы прожигают ткань штор, голоса и шум назойливо ломятся в окна и стены. Чужое присутствие давит тяжестью, бульдозером пробивает дорогу в твою гостиную. Неудивительно, что прессу так называют: если ситуация затянется, я просто задохнусь под этим прессом. Ладно, согласна: я чересчур драматизирую. Вот ты наверняка вышла бы на улицу и предложила им кофе. А я – сама знаешь – легко раздражаюсь и болезненно чувствительна в отношении личного пространства. Пойду-ка лучше на кухню и постараюсь взять себя в руки.

Здесь как-то спокойнее, тишина дает возможность подумывать. Странно, что теперь я нахожу удивительными самые пустячные мелочи. К примеру, во вчерашней газете напечатали статью о наших с тобой тесных сестринских узах, но при этом даже не упомянули о разнице в возрасте. Может быть, раз мы уже взрослые, она не имеет значения, хотя в детстве казалась просто огромной. «Пять лет – это много?..» – с легким вопросительным оттенком говорили те, кто нас не знал. А мы обе сразу вспоминали Лео и брешь, которая осталась после его смерти. Наверное, точнее было бы назвать нашу боль чувством утраты, только мы никогда не произносили этого вслух, да?

Снаружи, за задней дверью, журналистка разговаривает по мобильному телефону. Скорее всего диктует репортаж. Внезапно я слышу собственное имя: Арабелла Беатрис Хемминг. Мама как-то сказала, что меня сроду не называли Арабеллой. Получается, уже с младенчества было ясно, что я не имею ничего общего с этим именем. Безупречно выписанное черной тушью, украшенное вензелями, оно предназначено для милой девчушки, которую ласково зовут Беллой, Беллз или Белль – да мало ли красивых вариаций. Я же с первых дней была только Беатрис, простой и строгой, в формате стандартного шрифта «Таймс нью роман», без всяких там украшений и спрятанных внутри прелестных образов. Отец выбрал имя Арабелла еще до моего рождения. Должно быть, реальность его разочаровала.

Я снова слышу голос журналистки. Кажется, она опять звонит кому-то, оправдывается, что задержалась на работе допоздна. Через несколько секунд до меня доходит: это из-за меня, Арабеллы Беатрис Хемминг. Мой порыв – выйти и извиниться. Да, я такая: всегда первая спешила на кухню, едва мама начинала сердито греметь кастрюлями. Журналистка немного удаляется от двери. Слов не разобрать, слышны только интонации – успокаивающие, чуть виноватые; деликатные, но твердые. Внезапно голос меняется: видимо, она разговаривает со своим ребенком. Ее теплый тон проникает сквозь дверь и окна, согревая твою квартиру.

Возможно, мне следует проявить заботу и посоветовать ей

отправляться домой. Твое дело еще находится в производстве, я не имею права давать комментарии до суда. Однако женщина за дверью, как и все прочие, хорошо об этом осведомлена. Репортеры пытаются выудить из меня не факты, а эмоции. Они хотят увидеть мои стиснутые кулаки и дать крупный план побелевших костяшек, хотят заснять слезы, ползущие по моим щекам, словно улитки, за которыми тянутся черные следы потекшей туши. Поэтому я не выхожу.

Телевизионщики со своей технической свитой наконец убрались, оставив за собой заметную «полосу прилива» – кучки сигаретного пепла на ступеньках, окурки в твоих горшках с нарциссами. Завтра вычищу пепельницы. По правде сказать, я напрасно плохо подумала обо всех сразу. Трое извинились за причиненные неудобства, а оператор даже принес мне из лавки на углу букет хризантем. Знаю, ты никогда не любила хризантемы.

– Они даже весной ужасного цвета – темно-синие, как школьная форма, или бордовые, как осенние листья, – с улыбкой говоришь ты, поддразнивая меня за любовь к этому аккуратному, долго не вянущему цветку.

– Они бывают самых разных оттенков, и очень даже ярких, – серьезно отвечаю я.

– Кричащая безвкусица. Как раз для серых бетонных площадок перед гаражами.

Однако эти чахлые экземпляры – проростки нечаянной заботливости, букетик сочувствия, неожиданного, как коровьи лепешки на обочине скоростного шоссе.

Оператор, преподнесший мне хризантемы, сказал, что сегодня в вечернем выпуске новостей будет специальный репортаж о тебе. Я сразу набрала маму, сообщила ей. Думаю, по-своему, по-матерински, она гордится тем, сколько внимания ты получаешь. А его будет еще больше. Если верить звукооператору, завтра сюда нагрянут иностранные репортеры. Забавно – нет, скорее странно, – что всего несколько месяцев назад, когда я пыталась достучаться до людей, меня совсем не хотели слушать.

Понедельник, после полудня

Сейчас они все – пресса, полиция, юристы – жадно слушают: головы склонены, ручки усердно царапают в блокнотах, слышится жужжание диктофонов. Сегодня я даю свидетельские показания в уголовном суде. Это подготовка к судебным слушаниям, которые состоятся через четыре месяца. Мне сказали, что мои показания «жизненно важны» для стороны обвинения, так как я – единственная, кому «известно все, от и до».

Мистер Райт, представитель стороны обвинения, который берет показания, сидит напротив. Полагаю, ему где-то к со-

рока, хотя, вероятно, он младше и просто по долгу службы выслушал немало историй вроде моей. Мистер Райт весь внимание – он сидит, слегка подавшись вперед, располагая меня к откровенности. Хороший слушатель, но... что за человек?

– Если вы не против, – говорит он, – расскажите все с самого начала, а я потом сам отделию важное от второстепенного.

Я киваю.

– Дело в том... я не совсем уверена, что именно считать началом.

– Скажем, тот момент, когда вам впервые показалось, что что-то не так.

На мистере Райте отличная итальянская рубашка из натурального льна и синтетический галстук с дурацким рисунком – вряд ли обе вещи выбраны одним и тем же человеком. Или то, или другое получено в качестве подарка. Если подарен галстук, то мистер Райт проявляет недюжинную любезность, надевая его. Забыла, говорила тебе или нет, но у меня появилась новая привычка размышлять на посторонние темы, когда мозг отказывается анализировать насущный вопрос. Я поднимаю глаза на мистера Райта.

– Тогда выходит, это был телефонный звонок. Мама сообщила, что Тесс пропала без вести.

Когда позвонила мама, мы принимали гостей. Закуски

для воскресного ленча, купленные в магазине по соседству, полностью соответствовали духу Нью-Йорка: модные и стандартные. То же самое относилось к нашей мебели, квартире и взаимоотношениям – ничего домашнего. «Большое яблоко» без сердцевины. Понимаю, отступление от темы довольно резкое; впрочем, разговор о моей жизни в Нью-Йорке подождет.

Тем утром мы вернулись из заснеженного Мэна, где провели романтические каникулы в честь моего повышения – меня назначили директором по работе с клиентами. Тодд получал явное удовольствие, расписывая гостям наше опрометчивое решение отметить праздник в уединенной избушке:

– Конечно, на джакузи мы не рассчитывали, но горячая вода в душе пришлась бы кстати, да и стационарный телефон не помешал бы. Мы даже мобильниками не могли воспользоваться, у нашего оператора там нет мачт.

– Вы что же, вот так взяли и сорвались в эту поездку? – недоверчиво спросила Сара.

Как тебе известно, мы с Тоддом никогда не отличались любовью к экспромтам. Марк, муж Сары, едва не испепелил ее глазами:

– Дорогая!

Сара выдержала его взгляд.

– Терпеть не могу это твоё «дорогая». Кодовое слово, означающее «заткнись», не так ли?

Ты поладила бы с Сарой. Она всегда чем-то напоминала тебя – может, поэтому мы с ней и подружились. Сара посмотрела на Тодда.

– Когда вы с Беатрис в последний раз ссорились? – поинтересовалась она.

– Мы не слишком любим устраивать спектакли, – ответил Тодд, лицемерно пытаясь поставить Сару на место.

Однако та не собиралась сдаваться:

– Значит, тебе тоже слова поперек не скажи.

Последовало неловкое молчание. Из вежливости мне пришлось прервать его:

– Кто-нибудь желает кофе или травяного чая?

Я засыпала в кофемолку кофейные зерна – только к этому «блюду» я в тот день и приложила руку. В кухню вошла расстроенная Сара.

– Беатрис, извини, что так вышло.

– Ничего страшного. – Я играла роль безупречной хозяйки, улыбчивой, все понимающей, занятой приготовлением кофе. – Марк предпочитает с молоком или без?

– С молоком. Мы уже забыли, когда в последний раз смеялись вместе, – вздохнула Сара, усевшись на кухонный стол и болтая ногами. – А что до секса...

Я включила кофемолку, надеясь, что жужжание заглушит слова подруги. Перекрикивая шум, она спросила:

– А вы с Тоддом?

Я переложила смолотый кофе в нашу семисотдолларовую кофеварку-эспрессо.

– Спасибо, у нас все в порядке.

– По-прежнему обмениваетесь шутками и кувыркаетесь в постели?

Я открыла шкатулку с кофейными ложечками тридцатых годов, отделанными цветной эмалью. Цвет эмали у каждой ложечки был свой и напоминал расплавленные леденцы.

– Мы купили их на ярмарке антиквариата в прошлое воскресенье, с утра.

– Беатрис, ты уходишь от темы!

Тебе-то не надо объяснять, что я вовсе не уходила от темы: воскресным утром, когда другие парочки не спешат покинуть кровать и занимаются любовью, мы с Тоддом бродили по распродаже. Мы всегда лучше понимали друг друга перед витриной магазина, чем в постели. Я считала, что, обставляя квартиру вещами, выбранными и купленными вместе, мы создаем общее будущее. Ты, конечно, поддразнила бы меня: хороший секс не заменишь чайником, пусть даже от Клэрис Клифф, – но лично мне это казалось более надежным залогом постоянства.

Раздался телефонный звонок. Не обращая внимания, Сара продолжила:

– Секс и смех – вот сердце и душа взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

– Пойду сниму трубку.

– Когда, по-твоему, наступает момент отключить аппарат жизнеобеспечения?

– Извини, нужно подойти к телефону.

– Когда пора разделить банковский счет, ипотечный кредит и общих друзей?

Я схватила трубку, радуясь возможности оборвать разговор.

– Алло?

– Беатрис, это я, мама.

От тебя не было вестей уже четверо суток.

Не помню, как собиралась, но Тодд вошел именно в ту секунду, когда я защелкнула замки на чемодане. Я обернулась:

– Какой рейс?

– На сегодня билетов нет.

– Я все равно должна лететь.

Ты не появлялась на работе уже неделю. Хозяйка кафе звонила на твой домашний телефон, но всякий раз срабатывал автоответчик. Она приезжала к тебе на квартиру, однако не нашла тебя и там. Никто не знал, где ты. Теперь за поиски взялась полиция.

– Отвезешь меня в аэропорт? Я полечу любым рейсом.

– Лучше вызову такси, – отозвался Тодд. Ах да, он пропу-

стил пару бокалов вина. Я всегда ценила его благоразумие.

Разумеется, ничего этого мистеру Райту я не рассказываю. Просто сообщаю, что мама позвонила мне днем 26 января, в половине четвертого по нью-йоркскому времени, и сказала, что ты пропала без вести. Как и тебя, мистера Райта интересует картина в целом, а не отдельные детали. Еще в детстве ты рисовала большие, размашистые рисунки, которые не умещались на странице, в то время как я при помощи карандаша, линейки и ластика строила аккуратные чертежи. Позже ты начала писать абстрактные полотна, отображая действительность крупными мазками и яркими красками, а мне идеально подошла работа дизайнера, позволяющая сверять любой оттенок с патентованной цветовой моделью. Поскольку у меня нет твоей размашистой смелости, я изложу тебе эту историю в пуантилистской манере, где каждая точка будет соответствовать той или иной подробности. Надеюсь, в итоге из точек сложится картина, и мы сумеем понять, что и как произошло.

– То есть до звонка матери у вас не было дурных предчувствий? – задает вопрос мистер Райт.

Я испытываю знакомую тошнотворную волну: меня захлестывает чувство вины.

– Н-нет, ничего такого.

Я взяла билет первого класса – других не оказалось. По-

ка мы летели сквозь зыбкую страну облаков, я представляла, как выскажу тебе все, что думаю о твоём легкомыслии, и возьму с тебя обещание впредь не выкидывать подобных фокусов. Совсем скоро ты станешь матерью, так что, будь добра, веди уже себя по-взрослому.

«Старшая сестра» – это не должность, пчелка Би».

За что я бранила тебя в тот раз? Поводов было множество, ведь я на самом деле считала, что быть старшей сестрой – это работа, для которой я гожусь как нельзя лучше. И теперь, когда я летела на поиски и знала, что найду тебя (присмотр за тобой – важная часть моих служебных обязанностей), меня успокаивала привычная роль степенной, разумной старшей сестры, отчитывающей ветреную, безответственную девчонку, которой давно пора взяться за ум.

Показались огни аэропорта Хитроу, самолет начал снижаться. Под нами распростерлась западная часть Лондона, слегка присыпанная снегом. На табло загорелась команда пристегнуть ремни, и я заключила уговор с Богом: если найду тебя живой и здоровой, сделаю что угодно. Я продала бы душу самому дьяволу, предложи он мне сделку.

Когда самолет неуклюже приземлился на бетонную посадочную полосу, мою воображаемую досаду сменила мучительная тревога. Бог стал героем детской сказки. Все могущество старшей сестры улетучилось. Я с ужасающей ясностью вспомнила смерть Лео, и от этого воспоминания меня затошнило, будто от куска тухлятины. Я поняла, что не пе-

реживу, если потеряю еще и тебя.

Для офисного помещения окно кажется просто огромным. Через него в комнату потоком льется яркий свет весеннего солнца.

– Вы провели некую связь между исчезновением Тесс и смертью Лео? – спрашивает мистер Райт.

– Нет.

– Вы сказали, что подумали про Лео.

– Я постоянно думаю о нем, Лео – мой брат. – Как же мне тяжело говорить об этом. – Лео умер от муковисцидоза, когда ему было восемь. Нас с сестрой болезнь не коснулась, мы родились совершенно здоровыми.

Мистер Райт хочет погасить слепящий свет люминесцентных ламп, но выключатель почему-то не работает. Мистер Райт виновато пожимает плечами и опять садится за стол.

– Что произошло дальше?

– Мама встретила меня в аэропорту, и мы поехали в полицию.

– Пожалуйста, расскажите поподробней.

Мама, одетая в пальто из верблюжьей шерсти «Джегер», ждала меня в зале прилета. Подойдя ближе, я заметила, что она не причесана, а макияж наложен кое-как. Ты права, я не видела ее такой со дня похорон Лео.

– Я гнала такси от самого Литтл-Хадстона. Твой рейс задержался!

– Всего на десять минут, мамочка.

Вокруг бурно обнимались родные, близкие и друзья, воссоединившиеся после разлуки, а мы с мамой не ощущали ничего, кроме почти физического дискомфорта. По-моему, мы даже не поцеловались.

– А что, если Тесс звонила в мое отсутствие? – беспокойно произнесла она.

– Значит, позвонит еще, – отозвалась я.

После посадки, однако, я уже тысячу раз успела проверить мобильник.

– Сама не понимаю, – продолжала мама, – с какой стати я жду от нее звонка. Она вообще перестала мне звонить. По всей видимости, для нее это слишком большой труд. – В голосе задребезжали нотки обиды. – Я уж молчу про то, когда она в последний раз ко мне приезжала!

Вероятно, до сделок с Богом мама еще не дошла.

Я взяла напрокат машину. Несмотря на ранний час – шесть утра, – трасса М4, ведущая в Лондон, была загружена. «Час пик» – дурацкое название для скопища автомобилей, в которых сидят агрессивные, излучающие бессильную злость люди. Из-за выпавшего снега бесконечная цепочка авто тянулась еще медленнее. Мы ехали в полицейский участок. Печка в салоне никак не включалась, и слова вылетали

из наших уст облачками ледяного пара.

– Ты уже разговаривала со следователем? – спросила я.

Мамино раздражение ошутимо повисло в воздухе.

– Разговаривала, да что толку? Что я вообще знаю о жизни собственной дочери?

– Кто сообщил в полицию о том, что Тесс пропала?

– Домовладелец. Эмиас... забыла фамилию, – недовольно ответила мама.

Я тоже не помнила фамилию этого человека. Меня вдруг поразило, что именно он, пожилой хозяин квартиры, которую ты снимала, позвонил в полицию.

– Он еще сказал полицейским, что ее донимали телефонные хулиганы, – прибавила мама.

Несмотря на холод в салоне, я покрылась липким потом.

– Что за телефонные хулиганы?

– Мне не объяснили.

Я посмотрела на маму. Из-под маски тонального крема и пудры резко выступало бледное, встревоженное лицо. Немолодая гейша, матово заштукатуренная косметикой «Клиник».

В половине восьмого, когда мы подъехали к полицейскому участку Ноттинг-Хилл, было еще по-зимнему темно. Дороги были запружены, а свежевывчищенные тротуары почти пусты.

В полицейском участке мне довелось побывать лишь однажды, когда я подавала заявление об утере мобильного те-

лефона – просто об утере, а не краже. Дальше вестибюля я не заходила. На этот раз меня проводили в недобрый мир допросных и тюремных камер, где полицейские носили ремни с пристегнутыми к ним дубинками и наручниками. Этот мир не имел ничего общего с тобой.

– Вас принял детектив Финборо, сержант уголовной полиции? – уточняет мистер Райт.

– Да.

– Каким он вам показался?

Я тщательно подбираю слова:

– Вдумчивым. Проницательным. Порядочным.

Брови мистера Райта ползут вверх, но он быстро прячет удивление.

– Можете припомнить вашу первую беседу?

– Да.

Поначалу твое исчезновение ошеломило меня, однако затем восприятие странно обострилось. Вокруг стало чересчур много мелких деталей, чересчур много цветов, как будто мир превратился в пиксаровский мультик. Другие органы чувств тоже пришли в боевую готовность: я слышала тиканье стрелки в часах, скрип ножки стула по линолеуму; улавливала запах табака от куртки, висевшей на крючке. Это был «белый шум», включенный на полную катушку, словно мой разум не мог отличить важное от неважного и фиксировал все подряд.

Женщина-полицейский предложила маме чай и увела ее. Я осталась наедине с сержантом Финборо. Он держался вежливо, даже чуть-чуть старомодно и походил скорее на университетского преподавателя, чем на детектива. За окном валил мокрый снег.

– Как вы думаете, с чем может быть связано исчезновение вашей сестры? У вас есть предположения? – спросил сержант Финборо.

– Абсолютно никаких.

– Она поделилась бы с вами своими проблемами?

– Безусловно.

– Вы живете в Америке?

– Мы постоянно перезваниваемся и держим связь по электронной почте.

– Значит, вы с сестрой близки?

– Да.

Конечно, близки. Мы с тобой разные люди, но очень близкие. Разница в возрасте никогда не играла для нас роли.

– Когда вы в последний раз общались с сестрой?

– Если не ошибаюсь, в прошлый понедельник. В среду мы с другом уехали в горы, всего на несколько дней. Я звонила Тесс из ресторана, но ее домашний телефон все время был занят – она может болтать с друзьями часы напролет.

Я постаралась разозлиться – в конце концов, кто, как не я, оплачивает твои телефонные счета? Попыталась разбудить в

душе досаду – старое, знакомое чувство.

– А на мобильный не звонили?

– У нее нет мобильного. Украли месяца два назад, или сама потеряла. Тесс – довольно безалаберная девушка. – Еще одна попытка рассердиться на тебя.

Сержант Финборо на несколько секунд умолк – видимо, подбирал фразы, – затем осторожно произнес:

– То есть вы думаете, что ваша сестра исчезла не по своей воле?

«Не по своей воле». Деликатное выражение, обозначающее что-то очень-очень плохое. В том первом разговоре ни я, ни детектив не произнесли слова «похищение» или «убийство». Между нами как будто установилось молчаливое соглашение. Я оценила тактичность этого человека: слишком рано предполагать худшее. Я заставила себя задать вопрос:

– Мама сказала, что в последнее время Тесс донимали телефонные хулиганы. Это правда?

– Так утверждает домовладелец. К сожалению, подробности ему не известны. А вам сестра что-нибудь говорила?

– Нет.

– Может быть, упоминала о каких-то угрозах?

– Нет, ничего такого. Тесс вела себя совершенно нормально, была счастлива.

У меня возник новый вопрос.

– Вы обзвонили все больницы? – Мои слова прозвучали грубо; в них слышалась скрытая критика. – Я просто имею в

виду, что роды у Тесс могли начаться раньше времени.

Сержант Финборо резко опустил стаканчик с кофе на стол, и от этого звука я едва не подскочила на месте.

– Мы не знали, что она беременна.

Передо мной вдруг вспыхнул спасительный маяк.

– Если схватки начались преждевременно, она может быть в больнице. Вы же не проверяли родильные отделения?

– Больницы дают нам сведения обо всех поступивших пациентах, включая рожениц.

Маяк погас.

– Когда должен родиться ребенок? – спросил детектив.

– Примерно через три недели.

– Вам известно, кто отец?

– Эмилио Коди, преподаватель колледжа искусств, где учится Тесс, – ни секунды не раздумывая, ответила я. Время замалчивать правду прошло.

Сержант Финборо ничем не выказал своего удивления – вероятно, за счет профессиональной подготовки.

– Я был в колледже... – начал он, но я не дала ему договорить. Запах кофе в пенопластовом стаканчике вдруг стал тошнотворно-сильным.

– Вас так серьезно беспокоило исчезновение моей сестры?

– Я всегда стараюсь добираться до сути вещей.

– Да, разумеется.

Мне хотелось произвести на детектива впечатление умной

и здравомыслящей женщины. Помню, тогда я еще себя одернула: не все ли равно, что подумает обо мне сержант Финборо? Как выяснилось позднее – зря. Это имело немаловажное значение.

– Я беседовал с мистером Коди, – произнес детектив. – Он говорил о Тесс исключительно как о своей бывшей студентке.

Прости. Эмилио не хотел признавать тебя, даже когда ты пропала без вести. Впрочем, он всегда проявлял подобное «благоразумие», всегда открещивался от тебя, если не сказать хуже.

– Вы знаете, почему мистер Коди не хотел, чтобы полиции стало известно о его связи с вашей сестрой?

Еще бы мне не знать!

– По правилам колледжа преподавателям запрещено вступать в интимные отношения со студентами. Кроме того, он женат. Заставил Тесс взять академический отпуск, когда ее живот стал заметен.

Сержант Финборо встал из-за стола. В его манере появилось что-то иное; он уже не напоминал университетского профессора.

– Иногда для помощи в розыске пропавших людей мы используем новостную передачу на одном из местных каналов. Я хотел бы восстановить последние факты, известные о вашей сестре, и сделать по ним сюжет.

Из-за окна, забранного металлической решеткой, донес-

лась птичья трель. Внезапно у меня в голове зазвучал твой голос – так отчетливо, как если бы ты находилась в комнате рядом со мной...

– В отдельных крупных городах птицы уже не слышат друг друга из-за шума и постепенно забывают сложность и красоту своих песен.

– Ну и при чем здесь мы с Тоддом?

– Некоторые птицы вообще перестали петь. Вместо этого они в точности имитируют автомобильную сигнализацию.

– Тесс! – досадливо поморщилась я.

– Тодд слышит твою песню?

Тогда я восприняла глубину твоих юношеских эмоций как нечто несерьезное, пройденное много лет назад, однако теперь, сидя в полицейском участке, вдруг вспомнила наш разговор, потому что мысли о птицах, их песнях, о Тодде и обо всем прочем позволяли отвлечься от догадок, терзавших меня в настоящий момент. Сержант Финборо почувствовал мое состояние.

– Думаю, лучше перестраховаться и еще раз проверить больницы. Тем более раз нам стало известно, что ваша сестра находится на позднем сроке беременности.

Детектив отдал указания подчиненным, распорядился насчет съемочной группы. Возник вопрос, кому играть тебя.

Мне не хотелось, чтобы твою роль исполняла чужая женщина, поэтому в качестве актрисы я предложила себя. Выходя из кабинета, сержант Финборо обернулся ко мне:

– Мистер Коди намного старше Тесс, верно?

Между вами разница в целых пятнадцать лет, к тому же Эмилио – еще и твой преподаватель. Ему бы воплощать образ отца, а не любовника. Да-да, я постоянно говорила тебе об этом, пока ты наконец весьма красноречиво не попросила меня «отвалить». Правда, ты использовала английский эквивалент этого выражения и сказала, чтобы я не вмешивалась не в свое дело. Сержант Финборо терпеливо дожидался ответа.

– Вы, кажется, спрашивали о том, близки ли мы с сестрой, а не о том, понимаю ли я ее.

Теперь-то понимаю, но тогда – вряд ли...

Сержант Финборо рассказал о предстоящей «реконструкции» подробнее:

– Сотрудница почтового отделения на Экзибишн-роуд припомнила, что около двух часов дня Тесс покупала у нее открытку и марки. Она не упомянула о том, что Тесс беременна, – наверное, просто не заметила, так как их разделял высокий прилавок.

Навстречу по коридору шла мама. Детектив продолжал:

– Приблизительно в два пятнадцать ваша сестра отправила открытку в этом же отделении.

...Голос мамы звенит от раздражения:

– Открытка была адресована мне! Тесс, видите ли, поздравляла меня с днем рождения. Не бывает у матери месяцами, почти не звонит, но зато шлет открытки, как будто этим можно все исправить!

Пару недель назад я черкнула тебе, что у мамы скоро день рождения, помнишь?

Рассказывая эту историю, я хочу быть до конца честной и откровенной, и поэтому, прежде чем продолжить, признаюсь: ты оказалась права насчет Тодда. Он не слышал моей песни, потому что я никогда не пела для него. И вообще для кого бы то ни было. Может быть, я одна из тех птиц, что способны воспроизводить лишь звуки автомобильной сигнализации.

Мистер Райт опускает жалюзи, защищаясь от яркого весеннего солнца.

– И в тот же день вы участвовали в съемках реконструктивного сюжета? – спрашивает он.

– Да.

У мистера Райта есть запись этой съемки, так что ему не нужен пересказ моей необычной игры с переодеванием, но тебе, я знаю, будет любопытно. Тебе ведь интересно, какая Тесс из меня получилась. Можешь поверить, вышло неплохо. Сейчас ты узнаешь, как все было, без кинематографичной гладкости, обычно присущей описаниям.

Женщина-полицейский средних лет, констебль Вернон, привела меня в комнату, где мне следовало переодеться. Румяная, пышущая здоровьем, она как будто явилась с молочной фермы, а не с дежурства на лондонских улицах. Мое лицо, напротив, было жутко бледным – сказывался ночной перелет.

– Думаете, это что-нибудь даст? – спросила я.

Констебль Вернон улыбнулась и порывисто обняла меня. Я слегка смутилась – жест был неожиданный, но приятный.

– И не сомневайтесь! С этими реконструкциями масса хлопот; вряд ли мы стали бы возиться, если бы в результате не удавалось хорошенько встряхнуть чью-то память. Теперь, когда известно о беременности Тесс, у нас есть все шансы на то, что кто-нибудь мог ее заметить. Ну что, давайте разберемся с одеждой?

Позже я узнала, что, несмотря на свои сорок лет, констебль Вернон пришла на службу в полицию всего пару месяцев назад. Манера общения выдавала в ней опытную, любящую мать.

– Мы забрали кое-какие вещи из квартиры вашей сестры, – продолжала она. – Не скажете, что на ней могло быть надето?

– Платье. Из-за живота все остальное уже не нашлось, а специальная одежда для беременных Тесс не по карману. К счастью, почти все ее наряды мешковатые и бесформенные.

«Удобные, Би, у-доб-ны-е».

Констебль Вернон открыла небольшой чемодан; каждая вещь, невзрачная и поношенная, была аккуратно сложена ее руками и завернута в папиросную бумагу. Меня тогда очень тронуло это проявление заботы. До сих пор трогает.

Я выбрала самое приличное из твоих обтрепанных одеяний, широкое лиловое платье «Уистлз» с вышивкой по подолу.

– Тесс купила его на распродаже пять лет назад, – сказала я.

– Хорошая покупка служит долго, верно?

Мы словно бы находились в примерочной универмага «Селфриджес».

– Да, верно.

Я почувствовала искреннюю благодарность к констеблю Вернон за ее умение поддержать разговор о пустяках – перекинуть вербальный мостик между двумя людьми – в самых, казалось бы, не подходящих для этого обстоятельствах.

– Хорошо, остановимся на этом, – сказала констебль Вернон и тактично отвернулась, ожидая, пока я сниму строгий дизайнерский костюм. – Вы с сестрой похожи? – поинтересовалась она.

– Уже нет.

– А-а, значит, были похожи раньше?

Мне вновь пришлось по душе умение констебля Вернон поддерживать разговор, однако я начала подозревать, что двумя-тремя фразами он не ограничится.

– Если сходство и было, то искусственное.

– Как это?

– Мама всегда старалась одевать нас одинаково.

Она не обращала внимания на нашу разницу в возрасте. В зависимости от времени года неизменно наряжала нас либо в клетчатые шерстяные юбки и шотландские свитеры, либо в полосатые платья из хлопка. Никаких рюшечек и оборочек, никакого нейлона, помнишь?

– Прически у нас тоже были одинаковые.

«Приведите их в *приличный* вид», – командовала мама в парикмахерской, и наши кудри летели на пол.

– Люди говорили, что Тесс будет сильнее походить на меня, когда подрастет, – правда, делали это только из вежливости.

Я поразилась тому, что неожиданно высказала свои мысли вслух. До сих пор я никого не водила этой тропой, хотя сама исходила ее вдоль и поперек. Я всегда знала, что ты вырастешь настоящей красавицей и мне с тобой не сравниться, хотя не обсуждала этого с другими.

– Должно быть, несладко ей пришлось, – заметила констебль Вернон. Я уже хотела указать ей на оговорку, но она продолжила: – У вас с сестрой одинаковый цвет волос?

– Нет.

– Везет же вам, – вздохнула констебль Вернон, – натуральная блондинка.

– Если честно, я осветлялась.

– Надо же, а так и не скажешь.

Следующая фраза в нашей непринужденной беседе тревожно меня кольнула.

– Тогда, пожалуй, вам лучше надеть парик.

Я вздрогнула, но попыталась скрыть эмоции.

– Да, разумеется.

Пока констебль Вернон доставала коробку с париками, я надела твое платье. Застиранная хлопковая ткань мягко скользнула по телу. Внезапно я очутилась в твоих объятиях. Мгновением позже поняла, что это всего лишь запах, которого я прежде не замечала, – смесь твоего шампуня, мыла и чего-то еще, чему нет названия. Наверное, раньше я воспринимала этот аромат, только когда мы обнимали друг друга. Голова у меня закружилась, я судорожно вздохнула: ты как бы здесь, и тебя нет. К этому противоречию я не была готова.

– С вами все в порядке?

– Платье сохранило ее запах.

На добром, материнском лице констебля Вернон отразилось искренне сочувствие.

– Запах – очень сильная штука. Одно из средств, которые применяют доктора для вывода пациентов из комы. Самым «пробуждающим» считается запах свежескошенной травы.

Она хотела успокоить меня, давала понять, что моя реакция естественна. Констебль Вернон оказалась проникательной женщиной, полной сочувствия, и я была рада ее поддержке.

В коробке нашлись самые разные парики. Видимо, их использовали в реконструкциях, связанных не только с пропавшими без вести, но и с жертвами насильственных преступлений. Парики почему-то напомнили мне коллекцию черепов, и, роюсь в них, я испытывала тошноту. Констебль Вернон заметила это.

– Давайте-ка лучше я. Какие у Тесс волосы?

– Длинные – она их почти никогда не стрижет, поэтому концы немного посекулись – и сияющие.

– А цвет?

Номер 167 по системе подбора цвета, мгновенно подумала я, но тут же спохватилась: мало кто из людей знает все существующие оттенки по системным номерам.

– Цвета жженого сахара, – сказала я.

На самом деле, глядя на твои волосы, я всегда представляла карамель. Точнее, начинку из конфет «Роло», жидкую и блестящую.

Констебль Вернон нашла более-менее похожий парик, отливавший синтетическим блеском. Непослушными пальцами я кое-как натянула его на голову поверх аккуратно зачесанных волос. Я думала, на этом подготовка закончена, но констебль Вернон была перфекционисткой.

– Ваша сестра пользуется косметикой? – спросила она.

– Нет.

– Не возражаете, если я попрошу вас снять макияж?

Ты спросишь: колебалась ли я?

– Нет-нет, что вы, – ответила я, хотя мне стало очень не по себе.

В тот день я даже проснулась с макияжем – румяна и помада на губах остались еще с вечера. Я как могла смыла косметику под краном маленькой конторской раковины, на бортике которой громоздились грязные стаканчики из-под кофе. Повернувшись к двери, уголком глаза я вдруг заметила тебя, и меня пронзило острое чувство любви. Через пару секунд я сообразила, что это лишь мое отражение в большом настенном зеркале. Я подошла ближе и увидела себя, изможденную и неухоженную. Я срочно нуждалась в приличной одежде по фигуре, услугах парикмахера и стилиста. А тебе, чтобы выглядеть красавицей, ничего этого не требуется...

– Боюсь, вам придется подложить это, чтобы симитировать животик, – сказала констебль Вернон и вручила мне небольшую подушку.

Я решилась озвучить вопрос, который не давал мне покоя с самого начала:

– Как думаете, почему хозяин квартиры, заявивший о пропаже Тесс, ничего не сказал о ее беременности?

– Не знаю. Спросите лучше сержанта Финборо.

Я засунула под платье сперва одну подушку, затем вторую и попыталась сбить их в некое подобие живота. В какой-то момент вся процедура показалась мне клоунским фарсом, и я засмеялась. Констебль Вернон вдруг рассмеялась вслед за мной, и я увидела, что она улыбочива от природы. Должно

быть, ей приходилось много хмуриться, поскольку большую часть времени она выглядела серьезной.

В кабинет вошла мама.

– Принесла тебе поесть, – сообщила она. – Ты должна питаться как следует.

Я обернулась. В руках она держала большой пакет, набитый снедью, и ее забота искренне меня тронула. Однако, посмотрев мне в лицо, мама словно окаменела. Бедняжка. Фарс, в котором я углядела черный юмор, превратился в жестокость.

– Ты обязана все ей рассказать. Чем дольше затягиваешь с правдой, тем хуже последствия.

– На днях как раз видела чайное полотенце с такой надписью. А на обратной стороне было написано: «Никогда не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня».

– Тесс!..

(Или вместо восклицания я просто испустила красноречивый вздох многомудрой старшей сестрицы?)

Ты звонко расхохоталась, невинно поддразнивая меня:

– У тебя еще остались трусики с вышитыми на них днями недели?

– Не увливай от ответа! Между прочим, трусики-недельки я получила в подарок в девятилетнем возрасте.

– И что, надевала их в правильном порядке?

– Она будет очень обижена, если ты ей не расскажешь.

Я смотрела на маму, безмолвно отвечая на ее безмолвные вопросы. Да, ты была беременна; да, не сказала ей, и да, теперь люди на всем белом свете – как минимум те, кто смотрит телевизор, – узнают об этом.

– Кто отец ребенка?

Я ничего не ответила. На сегодня хватит ударов.

– Так вот почему она не появлялась у меня несколько месяцев! Стыдно ей, значит, было, да?

Это прозвучало не как вопрос, а, скорее, как утверждение. Я попыталась успокоить маму, однако она раздраженным жестом отмахнулась от моих слов, хотя жестикулировала крайне редко.

– По крайней мере этот тип намерен жениться, и то ладно.

Мать смотрела на помолвочное кольцо, которое случайно осталось у меня на руке.

– Нет, мам, это мое.

Меня странно покорило то, что она не заметила его раньше. Я сняла кольцо с крупным солитером с пальца и отдала маме. Она не глядя сунула его в сумочку.

– Беатрис, скажи, этот человек собирается жениться на Тесс?

Может быть, мне следовало проявить милосердие и сказать, что Эмилио Коди уже женат. Эта новость привела бы маму в ярость и задержала бы приход леденящего душу страха.

– Мамочка, давай сперва найдем Тесс, прежде чем переживать за ее будущее.

Глава 2

Специальная съемочная группа расположилась рядом со станцией метро «Южный Кенсингтон». Я – звезда этого маленького фильма – выслушала распоряжения молодого полицейского, у которого на голове вместо шлема была фуражка. Щеголеватый режиссер, тоже полицейский, сказал: «Начали!» Я пошла прочь от почтового отделения вдоль по Экзибишн-роуд.

Ты никогда не нуждалась в дополнительной уверенности, которую придают высокие каблуки, поэтому я неохотно сменила свои лодочки на твои разношенные балетки. Они были мне велики, так что пришлось набить мыски ватой. Помнишь, мы проделывали то же самое с мамиными туфлями? Как волшеббно стучали ее каблочки, как нравился нам этот звук, олицетворяющий взросление... Плоские балетки ступали аккуратно, бесшумно, их мягкая домашняя кожа погружалась в лужицы, покрытые растрескавшимся льдом, и впитывали обжигающе-холодную воду. Перед Музеем естествознания тянулась длинная нервная очередь из нетерпеливых детей и задерганных родителей. Первые глазели на полицейских и съемочную группу, вторые провожали взглядами меня. Пока они не могли попасть внутрь и посмотреть на аниматронного тираннозавра и гигантскую белуху, я служила для них бесплатным развлечением. Меня это ничуть не

волновало. Я лишь надеялась, что кто-то из них был здесь в прошлый четверг и видел, как ты выходила с почты. А что потом? Что еще они заметили? Разве могло произойти что-то по-настоящему страшное при таком количестве свидетелей?

Вновь посыпала ледяная морось, колючие крупинки забарабанили по тротуару. Полицейский велел мне идти дальше. В тот день, когда ты исчезла, шел снег, но и сегодняшняя погода более-менее подходила по сюжету. Я бросила взгляд на толпу перед музеем. Детские коляски обросли прозрачными пластиковыми чехлами. Родители накинули капюшоны и раскрыли зонтики. Снежная крупа сделала людей близорукими, в мою сторону никто больше не смотрел. Никто не смотрел на тебя. Никто ничего бы не заметил.

Длинные пряди парика промокли насквозь, за шиворот стекали холодные ручейки. Твое тоненькое платье, отяжелевшее от воды под расстегнутой курткой, липло к телу, обрисовывая каждый изгиб. Тебя позабавило бы превращение полицейской реконструкции в легкую эротику. Проезжавший мимо автомобиль сбавил ход. Водитель, мужчина средних лет, сидевший в теплом и сухом салоне, оглядел меня через ветровое стекло. Может быть, кто-то предложил тебя подвезти и ты села в машину? Может, так все и было? Я запретила себе представлять, что случилось в действительности. Воображение завело бы меня в лабиринт кошмарных сценариев и лишило бы разума, а я должна была сохранять

ясный рассудок, чтобы помочь тебе.

Когда мы вернулись в участок, мама встретила меня в камерке, предназначенной для переодевания. Я промокла до костей, от холода не попадал зуб на зуб. Уже больше суток я не спала.

– А тебе известно, что запах состоит из мельчайших частиц, которые отделились от объекта? – спросила я маму, стаскивая свое платье. – Мы когда-то в школе проходили.

Мама безразлично покачала головой. Знаешь, посреди мокрой улицы я вдруг вспомнила этот факт и мне в голову пришло, что платье сохранило твой запах именно потому, что крохотные частички тебя застряли между тонкими волокнами ткани. Выходит, думать, что ты рядом, вовсе не было нелепостью. В некоем жутком смысле ты все-таки находилась со мной.

– Разве непременно нужно было изображать ее обтрепой? – укорила меня мама.

– Мамочка, Тесс выглядит так на самом деле. Что толку устраивать маскарад, если ее никто не узнает?

Мама прихорашивала нас перед каждой фотосъемкой. Даже когда мы приходили на дни рождения к другим детям, едва завидев объектив фотоаппарата, она успевала быстро вытереть наши перемазанные шоколадом рты и больно провести карманной расческой по волосам. Уже тогда она постоянно говорила тебе, насколько лучше ты станешь выгля-

деть, если будешь «стараться, как Беатрис». А я испытывала от этих слов гадкое удовольствие, ведь если бы ты действительно постаралась, твоя красота на моем невзрачном фоне бросилась бы всем в глаза. Вдобавок мамыны упреки в твою сторону служили своеобразным комплиментом мне, а комплиментами она меня не баловала.

Мама отдала мне кольцо, я надела его на палец и почувствовала приятную тяжесть золотого ободка, как будто Тодд взял меня за руку.

В раздевалку вошла констебль Вернон; ее лицо блестело от мокрого снега, а румяные щеки еще больше раскраснелись.

– Спасибо, Беатрис, – поблагодарила она. – Вы справились замечательно.

Я почувствовала себя странно польщенной.

– Сюжет выйдет в эфир сегодня вечером по каналу местных новостей, – продолжила констебль Вернон. – Если кто-то откликнется, сержант Финборо сразу же вам сообщит.

Я заволновалась – а вдруг кто-то из друзей отца увидит реконструкцию и позвонит ему? Констебль Вернон, чуткая душой, предложила выход из положения: если мы не хотим звонить отцу, о твоём исчезновении его известит сотрудник французской полиции. Я согласилась.

Мистер Райт ослабляет узел полиэстрового галстука; для батарей центрального отопления жаркое весеннее солнце

явилось полной неожиданностью. В отличие от него в тепле я чувствую себя лучше.

– Вы больше не разговаривали с детективом Финборо в тот день? – спрашивает мистер Райт.

– Только сообщила ему мой контактный номер.

– В какое время вы покинули участок?

– В половине седьмого. Мама уехала часом раньше.

В полицейском участке даже не подозревали, что мама не умеет водить и у нее нет машины. Констебль Вернон извинилась передо мной и сказала, что сама отвезла бы миссис Хемминг домой, если бы знала. Вспоминая об этом теперь, я понимаю, что ей хватило добросердечия разглядеть в нашей матери хрупкую женщину, спрятавшуюся под панцирем темно-синего костюма и бурного недовольства – характерного признака среднего класса.

Дверь участка захлопнулась за моей спиной, в лицо ударил шершавый ночной воздух. Свет автомобильных фар и уличных фонарей сбивал с толку, людской поток внушал робость. На короткий миг мне померещилось, что среди чужаков промелькнула ты. Позже я узнала, что для тех, кто разлучен с родными и близкими, видеть их в толпе – совсем не редкость. Это как-то связано с участками мозга, отвечающими за узнавание, – в периоды разлуки эти участки перевозбуждены и часто дают ложное срабатывание. Злая шутка разума длилась всего пару мгновений, но и за это время я

физически ощутила, как сильно мне тебя недостает.

* * *

Я припарковала машину у парадного входа. Рядом с чистенькими зданиями по соседству твой дом смотрелся бедным родственником, который уже долгие годы не может найти денег на хорошую побелку. Волоча в руке чемодан с твоей одеждой, я спустилась по крутым обледенелым ступенькам в цокольный этаж. Желтый уличный фонарь почти не давал света. Как тебе удалось за последние три года не сломать ногу в такой темноте?

Онемевшими от холода пальцами я нажала кнопку звонка. А вдруг откроешь? Увы. Затем я принялась шарить под цветочными горшками, где ты обычно прячешь ключ. Ты даже говорила мне, под каким именно растением, только я забыла название. Это ведь вы с мамой всегда обожали цветоводство. Кроме того, гораздо больше меня волновало твое легкомысленное отношение к безопасности, о чем я постоянно тебе твердила. Как можно оставлять ключ от квартиры под цветочным горшком рядом с дверью? Да еще в Лондоне. Вопиющая безответственность! Заходите, пожалуйста, господа грабители.

– Что это вы тут делаете? – послышалось у меня над головой.

Я подняла глаза и увидела твоего домовладельца. С на-

шей последней встречи он запомнился мне образом классического книжного дедушки: наклеить ему белую бороду, и получится вылитый Санта-Клаус. Сейчас, однако, он грозно хмурился, а глаза на небритом лице сверкали гневом совсем как у молодого.

– Меня зовут Беатрис Хемминг, я – сестра Тесс, – поспешно сказала я. – Мы с вами как-то встречались.

Его выражение смягчилось, глаза сразу постарели.

– Эмиас Торнтон. Простите, память уже не та.

Он осторожно спустился по скользким ступеням.

– Тесс перестала прятать ключ под розовым цикламеном.

Отдала его мне.

Старик достал бумажник, открыл отделение для монет и вытащил ключ. Раньше ты полностью игнорировала все мои увещевания, что же теперь побудило тебя проявить осторожность?

– Два дня назад я открывал квартиру для полиции, – продолжил Эмиас. – Надеюсь, они отыщут какие-нибудь зацепки. Новости есть?

В его глазах заблестели слезы.

– Боюсь, пока нет.

У меня зазвонил мобильник. Мы оба – я и Эмиас – вздрогнули, я поспешно поднесла телефон к уху. Он посмотрел на меня с новой надеждой.

– Алло?

– Здравствуй, дорогая, – раздался голос Тодда.

Я взглянула на Эмиаса и отрицательно качнула головой.

– Тесс никто не видел, но выяснилось, что ее донимал звонками телефонный хулиган. – Мой голос почему-то сильно дрожал. – Полиция сделала реконструкцию событий – сняла сюжет, в котором восстановлены последние действия Тесс. Сегодня вечером его покажут по телевизору. Роль Тесс пришлось играть мне.

– Как так? Ты совсем на нее не похожа, – удивился Тодд.

Его практичный подход несколько успокоил меня. Тогда больше интересовали режиссерские ходы, нежели сам фильм. Наверное, он счел, что я на фоне стресса несу всякую нелепицу.

– Ну, мне придали сходство с Тесс. Некоторое.

Эмиас осторожно поднимался вверх по ступенькам к своей парадной двери.

– А письма от нее, случайно, не приходило? – спросила я. – В полиции говорят, незадолго до исчезновения Тесс купила почтовые марки.

– Нет, в ящике пусто.

С другой стороны, письмо могло попросту еще не дойти до Нью-Йорка.

– Я перезвоню тебе позже, ладно? Хочу, чтобы этот номер оставался свободным, на случай если Тесс позвонит.

– Как скажешь, – обиженно произнес Тодд, и меня порадовало, что он на тебя злится. Он был уверен, что ты вернешься домой, живая и здоровая, и тогда он первым как сле-

дует тебя отчитает.

Я отперла замок и вошла в твою квартиру. Прежде я бывала здесь раза два-три, не больше, и никогда не задерживалась на ночь. Полагаю, мы все испытывали облегчение от того, что квартирка тесная и нам с Тоддом волей-неволей приходится останавливаться в отеле.

Только сейчас я заметила, как отвратительно заделаны окна. Порывы ледяного ветра задували через огромные щели. Пропитанные влагой стены были холодными и мокрыми. Твои энергосберегающие лампочки разгорались невыносимо долго. Я включила отопление на полную мощность, но батареи прогрелись лишь в самой верхней части, сантиметров на пять. Интересно, у тебя более стойкий характер или ты попросту не замечаешь подобных «мелочей»?

Оказалось, что телефон выключен из розетки. И поэтому в последние несколько дней, когда я звонила тебе, на линии постоянно слышались короткие гудки, да? Хотя... нет, ты не оставила бы аппарат выключенным на все это время. Я попыталась унять грызущую тревогу – ты часто отключаешь телефон, когда пишешь картины или слушаешь музыку, пресекая нахальные попытки завладеть твоим драгоценным вниманием. Вероятнее всего, в прошлый раз ты просто забыла подключить его обратно.

Я принялась укладывать твою одежду в шкаф, радуясь охватившему меня привычному негодованию.

– Ради всего святого, объясни, почему ты не поставишь платяной шкаф в спальню, где ему положено быть? Здесь он смотрится нелепо!

Я впервые пришла к тебе в гости. У меня не укладывалось в голове, почему почти все пространство тесной гостиной занято огромным шкафом.

– Там у меня студия, – объяснила ты и расхохоталась. Студией громко именовалась малюсенькая спальня в полу-подвальной квартирке.

У тебя много достоинств, и одно из них заключается в том, что ты быстрее других замечаешь сказанную или сделанную тобой глупость и первой успеваешь посмеяться над собой. Из всех моих знакомых только ты способна находить собственную нелепость по-настоящему забавной. К сожалению, эта черта у нас отнюдь не семейная.

Развешивая одежду, я заметила в глубине шкафа коробку. В ней оказались вещи для младенца. Новенькие, с иголочки, и явно дорогие, тогда как все остальное у тебя дома выглядело облезлым и убогим: поношенная одежда из комиссионных магазинов, мебель с помойки... Я достала из коробки бледно-голубое кашемировое одеяльце и крохотный чепчик – такие мягкие, что кожа моих рук в сравнении была грубой, как наждак. Они были прелестны. Я изумилась, как если бы нашла на автобусной остановке эймсовский стул. Ты никак не могла позволить себе эту роскошь, но тогда кто дал тебе

деньги? Если не ошибаюсь, Эмилио Коди настаивал, чтобы ты сделала аборт. В чем же дело, Тесс?

В дверь позвонили, я побежала открывать. С губ уже почти сорвалось «Тесс!», но на пороге... стояла девушка, и я проглотила невысказанное имя. У некоторых слов есть свой особый вкус. Из-за всплеска адреналина меня начала бить дрожь.

Я определила, что молодая женщина примерно на седьмом месяце беременности. Несмотря на холодную погоду, она была одета в коротенькую маечку, оставлявшую открытым большой круглый живот с проколотым пупком. Ее беременность, выставленная напоказ, показалась мне столь же дешевым китчем, как грязно-желтые волосы.

– Тесс дома? – спросила она.

– Вы кто?

– Подруга. Кася.

Ты действительно рассказывала мне о подруге-польке, но твое описание никак не подходило девице в дверях. Ты до невозможности ей польстила, придав лоск, которого она была напрочь лишена. Передо мной стояло нечто в несурзной мини-юбке, с посиневшими от холода ногами, покрытыми сеткой вен, – образ, весьма далекий от наброска Донателло.

– Я и Тесс познакомится в клинике. Тоже нет парень.

Мое внимание больше привлек ломаный английский Каси, чем смысл слов. Бросив взгляд на «форд-эскорт», припаркованный у крыльца, она прибавила:

– Он вернется. Три недели.

Я состроила мину, красноречиво свидетельствующую о полном отсутствии интереса к личной жизни моей визави.

– Когда Тесс приходит домой?

– Не знаю. Никто не знает, где она. – Мой голос вновь предательски задрожал, но я решила, что скорее откушу себе язык, чем выкажу эмоции перед Касей. Снобизм, присущий нашей матери, благополучно передался мне. Я сухо продолжила: – Тесс не появлялась здесь с прошлого четверга. Не знаешь, куда она могла отправиться?

Кася покачала головой.

– Мы быть на отдых. Мальорка. Мириться.

Парень в «форде» протяжно посигналил. Кася махнула ему рукой. Она заметно нервничала. На корявом английском она попросила передать тебе, что заходила в гости, и поспешила вверх по ступенькам.

Да, мисс Фрейд, я разозлилась, что она – не ты. Ее вины в том не было.

* * *

Я поднялась на крыльцо и позвонила в дверь Эмиаса. Накинув цепочку, тот открыл.

– Вы, случайно, не знаете, откуда у Тесс дорогая одежда для малыша? – спросила я.

– Она устроила поход по всем магазинам на Бромптон-роуд. Радовалась, как...

Я нетерпеливо оборвала старика:

– Меня интересует, на какие деньги она их купила?

– Я не задаю девушкам подобных вопросов.

Это прозвучало укором; Эмиас был воспитан, а я – нет.

– Что заставило вас сообщить в полицию об исчезновении Тесс?

– Она не пришла поужинать со мной, хотя обещала. Тесс никогда не нарушает своих обещаний, даже перед стариком вроде меня.

Эмиас снял с двери цепочку. Несмотря на годы, он все еще был осанист и высок, на добрых десять сантиметров выше меня.

– Выбросьте вы эти детские одежки, – сказал он.

Я отшатнулась, вне себя от негодования:

– Не рано ли вы попрощались с моей сестрой?

Я развернулась и торопливо сбежала вниз. Пожилой домовладелец что-то проговорил мне вслед, но я не стала прислушиваться и заперлась в твоей квартире.

– Еще десять минут, и на сегодня достаточно, – говорит мистер Райт.

Слава Богу. Я и не предполагала, каким утомительным окажется процесс записи.

– Вы заглянули в ванную комнату? – задает очередной во-

прос мистер Райт.

– Да.

– Проверили стенной шкафчик?

– Нет.

– То есть не заметили ничего странного, неожиданного?

– Заметила.

Я очень устала и промерзла до костей. Страшно хотелось принять душ. Горячий. До показа реконструкции оставалось еще два часа, но я боялась пропустить твой звонок, и именно поэтому решила последовать той логике, согласно которой любовь всей жизни является на порог ровно в ту минуту, когда ты, одевшись в самую безобразную пижаму, намазываешь на лицо зеленую питательную маску. Согласна, логикой это назвать трудно, и все же я понадеялась, что стоит мне встать под душ, и ты сразу позвонишь. Вдобавок я знала, что мой телефон принимает эсэмэски.

Конечно, у тебя не было никакого душа, только ванна с облупившейся эмалью и плесенью вокруг кранов. Это убожество разительно контрастировало с ванной комнатой в моей нью-йоркской квартире: мрамор, блеск хромированного металла – образец модернистского шика. Можно ли вообще чувствовать себя освеженной и чистой, помывшись здесь? Где-то в глубине промелькнуло знакомое ощущение превосходства, а потом я увидела полку с твоими гигиеническими принадлежностями: зубная паста, щетка, раствор для хра-

нения контактных линз и расческа с застрявшими в зубах длинными волосами.

До сих пор я лелеяла мысль, что ты могла выкинуть какую-нибудь глупость – скажем, удрать на рок-фестиваль или принять участие в акции протеста, что ты – все та же легкомысленная девчонка, запросто ночующая в палатке на мерзлой земле, не обращая внимания на то, что до родов осталось меньше месяца. До сего момента я много раз представляла, как отругаю тебя за полнейшее безрассудство, но зубная щетка и прочие принадлежности напрочь развеяли мои фантазии. Все надежды рухнули. Где бы ты сейчас ни была, ты туда не собиралась.

* * *

Мистер Райт выключает диктофон.

– На сегодня достаточно.

Я киваю, стараясь отогнать воспоминание о твоих волосах, застрявших в расческе. В кабинет входит степенная секретарша. Она сообщает, что число репортеров, съехавшихся к твоему дому, пугающе растет. Мистер Райт проявляет участие: не желаю ли я, чтобы он подыскал мне гостиницу на эту ночь?

– Нет, спасибо. Я буду ночевать дома.

Я называю твою квартиру домом – ты ведь не возражаешь? Я живу у тебя уже два месяца, и теперь это действи-

тельно почти что мой дом.

– Вас подвезти? – спрашивает мистер Райт и, заметив мое удивление, улыбается: – Не волнуйтесь, мне не трудно. У вас сегодня выдался тяжелый день.

Значит, подарком был галстук. Мистер Райт – хороший человек.

Я вежливо отказываюсь. Он провожает меня к лифту.

– Нам потребуются несколько дней, чтобы зафиксировать ваши показания. Вы не против?

– Нет, ничуть.

– Это связано с тем, что вы исполняли роль главного дознавателя и одновременно проходите как главный свидетель.

Учитывая мои действия, термин «дознаватель» звучит слишком профессионально. Подъезжает лифт. Мистер Райт заботливо придерживает дверь, пока я захожу в кабину, набитую людьми.

– С помощью ваших свидетельских показаний мы запечатаем это дело, – на прощание говорит он, и я представляю свои слова в виде густой черной смолы, которой обмазывают корпус корабля под названием «Приговор», чтобы обеспечить водонепроницаемость.

Весеннее солнышко прогрело вечерний воздух, и над темной твердью мостовых раскрылись белые зонтики уличных кофеен. Офисы уголовного суда расположены всего в нескольких кварталах от парка Сент-Джеймс, и я решаю пройти часть пути пешком.

Я пытаюсь срезать дорогу к парку, но упираюсь в тупик – проход закрыт. Поворачиваю назад и слышу за спиной шаги – не безопасный стук женских каблучков, а тихую, недобрую поступь преследователя-мужчины. Мной овладевает страх, но я убеждаю себя, что это всего лишь избитый киношный штамп – «маньяк крадется за женщиной», – и гоню прочь гнетущие мысли. Однако тяжелые шаги приближаются, их звук становится громче. Сейчас человек, идущий по другой стороне улицы, обгонит меня, и станет ясно, что у него нет дурных намерений. Шаги все ближе и ближе. Я уже чувствую затылком ледяное дыхание чужака и пускаюсь бежать без оглядки. Добегаю до выхода из тупикового переуллка и вижу людей, много людей. Присоединившись к толпе, я спешу к метро.

Я повторяю себе, что этого *не может быть*. Преступник сидит в камере предварительного заключения, так как в освобождении под залог ему отказано. После суда его ждет пожизненная тюрьма. Должно быть, мне просто померещилось.

Я окидываю вагон метро настороженным взглядом, и на глаза тут же попадаетея твое фото, напечатанное на первой полосе «Ивнинг стандарт». Я сфотографировала тебя два года назад, летом, когда ты приезжала в Вермонт. На лице сверкает улыбка, волосы развеваются на ветру блестящим парусом – от твоей красоты захватывает дух. Неудивительно, что этот снимок выбрали для первой страницы. На внутрен-

ней полосе – еще одна фотография, тоже сделанная мной: тебе шесть, и ты обнимаешь Лео. Я-то знаю, что у тебя только-только высохли слезы, но на снимке этого не видно. Едва ты улыбнулась, твое личико сразу обрело привычное веселое выражение. На соседнем фото – я. Репортеры подловили меня вчера. Моему лицу нормальное выражение так легко не вернуть. К счастью, я уже давно не переживаю по поводу того, как получаюсь на фотографиях.

Я выхожу на станции «Лэдброк-гроув» и замечаю, насколько проворно двигаются лондонцы – вверх по ступенькам, через турникеты, – умудряясь не задевать друг друга. У выхода я опять чувствую за спиной присутствие чужака, холод его дыхания, легкое покалывание в затылке, предупреждающее об угрозе. Я торопливо пробираюсь вперед, расталкивая всех подряд и уговаривая себя, что ледяное дуновение – лишь сквозняк от проносящихся внизу поездов.

Может быть, ужас и омерзение, пережитые однажды, остаются впечатанными в подсознание даже тогда, когда причины уже не существует и на их место приходит дремлющий страх, который пробуждается от малейшего пустяка.

На Чепстоу-роуд я столбенею от изумления при виде скопившихся у твоего дома людей и машин. Я вижу съемочные группы всех британских новостных каналов и, если не ошибаюсь, большинства зарубежных. Вчерашнее собрание

репортеров кажется мне скромной деревенской ярмаркой, за ночь превратившейся в безумный парк аттракционов.

За десять дверей от твоей квартиры меня замечает оператор – тот самый, что подарил хризантемы. Я внутренне напрягаюсь, однако он отводит взгляд, и я снова потрясена неожиданной добротой. Еще через две двери я попадаю в поле зрения первого репортера. Он приближается ко мне, за ним и остальные. Я сбегая вниз по лестнице и захлопываю за собой дверь.

Снаружи микрофонные штативы заполняют пространство, словно трифиды; в окна лезут непомерно длинные объективы. Я задергиваю шторы, но слепящие лучи прожекторов все равно проникают сквозь тонкую материю. Так же, как вчера, я укрываюсь на кухне, но и здесь нет спасения. Кто-то барабанит кулаком в заднюю дверь, а в прихожей трезвонит звонок. Телефон замолкает на секунду, прежде чем опять залиться трелью. Какофонию дополняет мой мобильник. Откуда им известен этот номер? Бесцеремонные, громкие звуки настойчиво требуют ответа. Я вспоминаю первую ночь, проведенную в твоей квартире. Тогда мне казалось, будто нет ничего более тоскливого, чем молчащий телефон.

Двадцать минут одиннадцатого: я устроилась на диване и включила телевизор. В тщетном усилии сохранить остатки тепла, завернулась в твою индийскую шаль. Издалека, с экрана, я вполне сносно могла сойти за тебя. В конце сюже-

та появилась надпись с просьбой сообщить имеющуюся информацию, а также номер телефона.

Половина двенадцатого: я сняла трубку телефона – проверила, работает ли. Потом испугалась: а вдруг в эту самую минуту мне звонят – ты или полиция с новостью о том, что ты нашлась.

Половина первого: ничего.

Час ночи: возникло ощущение, что окружающая тишина меня душит.

Половина второго: услышала собственный голос, зовущий тебя по имени. Или, наоборот, твое имя утонуло в молчании?

Два часа ночи: из-за двери донесся шорох. Я поспешно открыла, однако выяснилось, что это всего-навсего кошка, обитательница помойки, которую ты подобрала несколько месяцев назад. Молоко в холодильнике давно скисло, покормить обиженно мяукающего зверька было нечем.

* * *

Половина пятого утра: я вошла в твою спальню, протис-

нувшись между мольбертом и грудями холстов. Порезала палец на ноге. Наклонилась, разглядела на полу осколки стекла. Отдернула шторы и обнаружила, что окно выбито, а рама затянута полиэтиленом. Стало понятно, почему квартира не прогревается.

Я легла в твою постель. Полиэтилен хлопал на ледяном ветру, и эти прерывистые, неживые звуки вкупе с холодом доставляли мучительное неудобство. Под подушкой лежала твоя пижама, пахнувшая точно так же, как платье. Я прижала ее к груди. Перевозбужденная и промерзшая, я никак не могла заснуть, однако в конце концов провалилась в забытие.

Мне снился красный цвет, оттенки с 1788-го по 1807-й. Цвет кардиналов и шлях, страсти и пышных процессий; кошениль, кармазин, пурпур; цвет жизни, цвет крови.

Разбудил меня звонок в дверь.

Вторник

В коридорах и офисах уголовного суда уже вовсю чувствуется весна. Каждый оборот вращающейся двери приносит из парка слабый запах подстриженных газонов. Девушки за стойкой в холле одеты в легкие платья, их кожа золотится загаром, с вечера нанесенным из баллончиков. Несмотря на теплую погоду, на мне пальто и толстый свитер; я – бледный, закутанный пережиток зимы.

Открывая дверь в кабинет мистера Райта, я собираюсь

рассказать ему о моем вчерашнем воображаемом преследователе. Мне нужно еще раз услышать, что этот человек находится за решеткой и после суда уже никогда не выйдет из тюрьмы. Однако стоит мне зайти, как я вижу весеннее солнце, бьющее в окно, и яркие люминесцентные лампы. При этом свете призрак моего страха бесследно рассеивается.

Мистер Райт включает диктофон. Мы приступаем.

– Прежде всего я хотел бы, чтобы вы рассказали о беременности Тесс, – говорит мистер Райт, и в его просьбе мне слышится легкий укор.

Вчера он просил изложить события с того момента, когда я «заподозрила неладное», и я начала с описания маминого звонка во время воскресного ленча. Теперь я знаю, что все началось совсем не тогда. Если бы я чаще находила для тебя время, внимательнее слушала и меньше заботилась о себе, то гораздо раньше сумела бы понять, что с тобой творится что-то скверное.

– Тесс забеременела через полтора месяца после того, как стала встречаться с Эмилио Коди, – сообщаю я, убрав из голоса все эмоции.

– Как она отнеслась к факту своей беременности?

– Поделилась открытием о том, что ее тело – чудесный сосуд.

На память приходит наш с тобой телефонный разговор.

– *Представляешь, Би, по свету ходит почти семь милли-*

ардов чудес, а мы даже не верим в них!

– Тесс поставила в известность Эмилио? – спрашивает мистер Райт.

– Да.

– И как он отреагировал?

– Сказал, что беременность необходимо прервать. Тесс ответила ему, что прервать можно знакомство или отдых, но не жизнь ребенка.

Мистер Райт прячет улыбку, но я рада, что твои слова заставили его улыбнуться.

– Когда Тесс отказалась сделать аборт, Эмилио настоял, чтобы она ушла из колледжа до того, как станет заметен живот.

– Она так и поступила?

– Да. В деканате Эмилио сказал, что Тесс предложили куда-то перевестись для творческой стажировки. По-моему, он даже называл реально существующий колледж.

– Кто знал об истинной причине ухода вашей сестры?

– Близкие друзья, в том числе с факультета. Но Тесс попросила их молчать.

Я не могла взять в толк, почему ты защищаешь Эмилио. Он этого не стоил. Пальцем не пошевелил, чтобы заслужить такое доброе отношение с твоей стороны.

– Он предлагал помощь?

– Нет. Эмилио обвинил Тесс в том, что она якобы забе-

ременела нарочно, и твердо заявил, что ни она, ни ребенок помощи от него не дождутся.

– Тесс действительно забеременела нарочно?

Дотошность мистера Райта меня слегка удивляет, но, с другой стороны, мы ведь договаривались, что я расскажу ему все подробно, а он потом сам выделит главное.

– Нет. Это вышло случайно.

Я опять вспоминаю тот наш разговор по телефону. Я сидела у себя в офисе, как обычно, работая в многозадачном режиме: анализировала новую имиджевую концепцию для сети ресторанов и одновременно исполняла роль старшей сестры.

– Тесс, объясни мне, пожалуйста, что значит «случайность».

Дизайнеры остановились на уплотненном типографском шрифте, который смотрелся совсем допотопно, тогда как я давала указание придать тексту легкий шарм ретроэпохи.

– Случайность звучит как-то нехорошо, Би; давай лучше назовем это сюрпризом.

– Ладно, скажи, как можно устроить себе подобный «сюрприз», если презервативы продаются на каждом углу?

Ты звонко рассмеялась, ласково поддразнивая меня за мою серьезность.

– Видишь ли, некоторые люди в такие минуты полностью отдаются страсти.

Да, я уловила твой скрытый намек.

– И что ты теперь намерена делать?

– Толстеть, толстеть, а потом родить малыша.

Ты рассуждала как ребенок, ты вела себя как ребенок, куда тебе было становиться матерью?

– Би, не злись, это же радостная новость.

– Ваша сестра задумывалась об аборте? – продолжает задавать вопросы мистер Райт.

– Нет.

– Вас воспитывали в католической вере?

– Да, но она не хотела делать аборт вовсе не из-за этого. Единственный католический догмат, который принимала Тесс, – это принцип сегодняшнего дня.

– Простите, я не знаком с основами католицизма.

Конечно, для суда это не имеет значения, и все-таки я хочу, чтобы мистер Райт знал о тебе не только сухие факты, собранные в толстые скоросшиватели.

– Это означает, что жить нужно здесь и сейчас, – поясняю я. – В настоящем. Не задумываясь о будущем и не цепляясь за прошлое.

Я никогда не покупалась на данное утверждение, находя его чересчур легкомысленным и гедонистическим. Полагаю, этот постулат навязан греками. Видимо, Дионис очень пекся о том, чтобы католики не лишились удовольствий, и по-свойски внес свою лепту в религиозные принципы.

Мне хочется, чтобы мистер Райт имел в виду кое-что еще.

– С самых первых дней, когда ребенок представлял собой не более чем набор клеток, Тесс уже любила его. Вот почему она считала свое тело чудесным сосудом и даже мысли не допускала об аборте.

Мистер Райт кивает. Уважая твои чувства, он делает почтительную паузу.

– На каком сроке у ребенка диагностировали муковисцидоз? – осведомляется он.

Мне приятно, что он сказал «у ребенка», а не «у плода». Ты и твой малыш для него уже не безликие создания.

– В двенадцать недель, – отвечаю я. – Поскольку у нас в семье эта болезнь наследственная, Тесс прошла генетическое обследование.

– Это я.

На другом конце трубки ты едва сдерживала слезы.

– Будет мальчик.

Я уже догадывалась, что ты скажешь дальше.

– У него обнаружили муковисцидоз.

Ты произнесла это по-детски беспомощно. Я не знала, что ответить. Мы обе слишком много знали о муковисцидозе, банальные утешения были ни к чему.

– Ему придется пройти через те же муки, что испытал Лео...

– Это было в августе? – осведомляется мистер Райт.

– Да, десятого числа. Через четыре недели Тесс позвонила мне и сказала, что ей предлагают экспериментальную генетическую процедуру для лечения малыша.

– Что конкретно ваша сестра знала об этой процедуре?

– Как объяснила Тесс, ребенку вводят здоровый ген, который замещает ген муковисцидоза, причем это осуществляется внутриутробно. По мере развития плода здоровый ген полностью вытесняет собой дефектный.

– Как вы восприняли известие?

– Испугалась возможных рисков. Сначала тех, что связаны с вектором, затем...

– С вектором? – перебивает меня мистер Райт. – Извините, я не...

– Вектор – это средство доставки нового гена в организм; такси, если хотите. Роль переносчиков часто исполняют вирусы, так как они обладают высокой способностью инфицировать клетки и параллельно доставляют в них новый ген.

– Вы – настоящий эксперт в этом вопросе.

– В нашей семье мы все эксперты-самоучки. Из-за Лео.

– Всем известно, что во время генетических испытаний люди часто умирают из-за отказа жизненно важных органов...

– Пожалуйста, хотя бы дослушай! В качестве переносчика выступает не вирус. Разработчикам удалось создать искусственную хромосому, которая доставит ген к клеткам

мальшиа. Никакого риска для ребенка! Фантастика, правда?

Звучало действительно фантастически, однако меня совсем не успокаивало. Я «включила» старшую сестру на полную катушку:

– Допустим, проблем с вектором не будет, а как насчет модифицированного гена? Что, если он не только лечит муковисцидоз, но еще и оказывает иное, неизвестное действие?

– Пожалуйста, не причитай.

– А вдруг проявится какой-нибудь жуткий побочный эффект? Вдруг ген вызовет нарушения, которые заранее нельзя даже предсказать?

– Би!

– Хорошо, если ты считаешь это «небольшим риском»... Ты оборвала мою жаркую речь:

– Мой ребенок болен муковисцидозом, стопроцентно болен – большая, жирная цифра сто. И если лечение дает ему все шансы выздороветь, я обязана рискнуть.

– Ты сказала, что хромосому вводят в живот?

– Ну да, а как еще передать ее ребеночку? – По голосу я поняла, что ты улыбаешься.

– То есть генная терапия окажет воздействие и на тебя.

Ты вздохнула. Издавала усталый вздох младшей сестры, которой надоели нотации старшей.

– Тесс, я твоя сестра. У меня есть право волноваться за тебя.

– А я – мать своего ребенка.

Такого ответа я от тебя не ожидала.

– Я напишу тебе, Би.

Ты положила трубку.

– Она часто писала вам? – спрашивает мистер Райт.

Ему вправду интересно, или это имеет существенное отношение к делу?

– Да. Как правило, в тех случаях, когда предполагала мою негативную реакцию. Либо когда просто хотела разобраться в себе, привести в порядок мысли и ей был нужен молчаливый слушатель.

Не знаю, догадываешься ты или нет, но мне всегда нравились твои монологи. Правда, они частенько выводят меня из себя, зато какое облегчение – хоть на время освободиться от роли критика.

– Полиция предоставила копии писем Тесс, – кивает мистер Райт.

Прости, мне пришлось отдать им все письма.

Мистер Райт улыбается.

– Особенно запомнились «земные ангелы».

Приятно, что он обратил внимание на вещи, важные лично для тебя, а не просто для следствия.

«Все эти люди, которых я совершенно не знаю, день за днем, месяц за месяцем, год за годом трудились, чтобы най-

ти лекарство. Во-первых, исследования проводятся на деньги некоммерческих фондов. Представляешь, рядом с нами есть ангелы! Ангелы в белых халатах или твидовых юбках – те, кто устраивает благотворительные пробеги, организует сладкие ярмарки, прилагает массу усилий ради того, чтобы в один прекрасный день чужой ребенок излечился от страшной болезни».

– Ваши опасения утихли благодаря этим строчкам? – спрашивает мистер Райт.

– Нет. За день до того, как я получила письмо, пресса заpestрела сведениями об экспериментальной терапии. Сенсационную новость о генном способе лечения муковисцидоза напечатали все американские газеты, по телеканалам сплошными блоками шли сюжеты, посвященные этой теме. Правда, по телевизору почти ничего не объясняли, только без конца показывали фотографии выздоровевших детишек. На первых полосах гораздо чаще встречалась фраза «чудо-детки», нежели «генный метод лечения».

– Здесь творилось то же самое, – подтверждает мистер Райт.

– Много информации нашлось и в Интернете, так что мне удалось подробно изучить вопрос. Выяснилось, что испытания полностью соответствуют регламенту, у компании «Хром-Мед» есть все необходимые разрешения. В Британии уже родились двадцать совершенно здоровых младенцев, которым на раннем этапе внутриутробного развития ди-

агностировался муковисцидоз. У матерей не выявлено никаких побочных эффектов. Женщины в Штатах, беременные детьми с муковисцидозом, умоляли включить их в программу эксперимента. Я поняла, что Тесс очень повезло.

– Что вам было известно о компании «Хром-Мед»?

– Что она занимается исследованиями в области генетики уже не первый год. «Хром-Мед» заплатил профессору Розену за разработку искусственной хромосомы и нанял его для продолжения научной работы.

Чтобы твоим ангелам в твидовых юбках не приходилось собирать деньги.

– Кроме того, я видела несколько телевизионных интервью с профессором Розеном, изобретателем чудесного лекарства.

Понимаю, это совсем не важно, однако мое мнение по поводу экспериментального лечения изменилось именно благодаря профессору Розену. По крайней мере он заставил меня взглянуть на этот метод с надеждой. Помню, как впервые увидела его по телевизору.

Ведущая утренней новостной программы томно промурлыкала свой вопрос:

– Итак, профессор, расскажите нам, каково это – ощущать себя человеком, сотворившим чудо, как вас теперь называют?

Профессор Розен, сидевший напротив ведущей, выглядел

типичным «ботаником»: очки в проволочной оправе, узкие плечи, нахмуренные брови; где-нибудь за камерой непременно висел белый халат.

– Едва ли можно вести речь о чуде. На работу ушли десятки лет и...

– Как интересно, – заметила ведущая.

Она поставила в предложении профессора точку, но тот ошибочно воспринял ее возглас за стимул к дальнейшим пояснениям:

– Причиной заболевания является мутация в гене трансмембранного регулятора проводимости, часть которого образует хлоридный канал. Ген муковисцидоза локализован в седьмой хромосоме. Он вырабатывает белок, именуемый кистофиброзным трансмембранным регулятором, сокращенно КФТР.

Ведущая провела рукой по стройному бедру, разглаживая узкую юбку-карандаш, и очаровательно улыбнулась.

– То есть, говоря простым языком...

– Я и говорю простым языком. Искусственная микрохромосома, которую я изобрел...

– Боюсь, сложная терминология не слишком понятна нашим зрителям, – проворковала ведущая, беспомощно всплеснув руками. Эта кукла жутко меня раздражала – кстати, профессора тоже.

– Ваши зрители не обижены умом, так ведь? Моя искусственная хромосома способна перенести здоровый ген в

клетки без какого-либо риска.

Наверное, профессору Розену следовало предварительно потренироваться в изложении своей науки примитивным слогом. Со стороны казалось, будто он и сам уже по горло сыт этим дурацким представлением.

– Искусственная хромосома обладает способностью не только внедрять, но и стабильно удерживать оздоравливающий ген. Искусственные центромеры...

Ведущая поспешила прервать очередную порцию тезисов:

– К сожалению, на этом придется закончить вашу лекцию, профессор, так как сейчас мы увидим кое-кого, кто хотел бы выразить вам особую благодарность. У нас прямое включение.

Ведущая обернулась к большому телеэкрану. В кадре появилась больничная палата, молодая мать, вся в слезах от счастья, и гордый отец с новорожденным младенцем на руках. Родители горячо поблагодарили профессора Розена за то, что он вылечил их мальчика и прелестный малыш родился совершенно здоровым. Профессора, однако, происходящее не привело в восторг, он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он отнюдь не упивался славой, и этим вызвал у меня симпатию.

– Значит, вы поверили профессору Розену? – спрашивает мистер Райт.

Своими впечатлениями он не делится, хотя, безусловно,

тоже видел профессора во время массированной информационной кампании.

– Да. Во всех телеинтервью профессор Розен выглядел преданным служителем науки, полностью лишенным тщеславия. Он держался очень скованно; дифирамбы, льющиеся со всех сторон, вызывали у него лишь смущение и досаду.

Мистеру Райту я этого не говорю, но профессор чем-то напомнил мне мистера Норманса (он ведь и у тебя вел математику?). Учитель был человеком добросердечным, но глупость учениц неизменно повергала его в замешательство, и он сыпал уравнениями, как автоматными очередями.

По логике, неумение профессора Розена работать на публику, очки в проволочной оправе и сходство с пожилым учителем вряд ли можно назвать убедительными аргументами в пользу безопасности экспериментального лечения. Скорее, они послужили тем внутренним толчком, который требовался мне, чтобы преодолеть страхи.

– Тесс рассказывала вам, в чем заключалась процедура и что происходило потом?

– Нет, просто сказала, что ей сделали укол и теперь нужно только ждать.

Ты позвонила мне глубокой ночью – то ли забыла о разнице во времени, то ли сочла ее несущественной. На звонок ответил Тодд. Он передал трубку мне, недовольно бурча: «Боже милостивый, половина пятого утра!»

– Сработало, Би. Он здоров.

Я расплакалась. Плакала не стесняясь – всхлипывала, размазывала по лицу слезы радости. Я страшно переживала – нет, не за ребенка, а за тебя, за то, как ты будешь любить и растить мальшиа, больного муковисцидозом. Тодд испуганно посмотрел на меня.

– Черт побери, это же прекрасно!

Не знаю, что удивило его больше – мои слезы или ругательство.

– Я мечтаю назвать сына Ксавье. Если, конечно, мама не будет против.

Помню, Лео очень гордился своим вторым именем и всегда хотел, чтобы его называли Ксавье.

– Лео сказал бы, что это круто, – грустно улыбнулась я. Как печальна смерть в том возрасте, когда среди сверстников принято говорить «это круто».

– Да, он бы так и сказал...

Секретарь мистера Райта, крупная женщина средних лет, приносит минеральную воду, и я вдруг ощущаю сильную жажду. До капли осушив содержимое хлипкого бумажного стаканчика, ловлю на себе неодобрительный взгляд секретарши. Когда она забирает у меня пустой стаканчик, я замечаю на внутренней стороне ее ладони рыжие пятна. Должно быть, вчера она пользовалась автозагаром. Трогательно, что эта грузная дама сделала попытку прихорошиться к весне. Я

улыбаюсь ей, однако она не смотрит в мою сторону. Ее взор устремлен на мистера Райта, и в этом взоре я читаю любовь. Ради него она покрывала искусственным загаром руки и лицо, о нем думала, когда покупала платье.

Мистер Райт прерывает мое мысленное сплетничанье:

– Таким образом, вы полагали, что беременность протекает нормально и с ребенком все в порядке?

– Да, я думала, что все хорошо. Меня волновало только то, как Тесс справится с ролью матери-одиночки. Тогда я серьезно переживала по этому поводу.

Мисс Пылкая Любовь удаляется, так и не удостоившись внимания босса. Мистер Райт смотрит на меня. Представив себя на месте секретарши, я украдкой бросаю взгляд на его пальцы: обручального кольца нет. Да, я опять отвлекаюсь; мой разум не хочет продолжения. Ты знаешь, что произойдет дальше. Прости.

Глава 3

Долю секунды дверной звонок был частью моего ярко-красного сна. Потом я побежала открывать, уверенная, что за дверью стоишь ты. Сержант Финборо мгновенно понял, что я ждала совсем не его. На лице детектива отразилось одновременно смущение и жалость. Догадавшись, о чем я подумаю в следующее мгновение, он поспешил успокоить:

– Нет-нет, Беатрис, ее пока не нашли.

Он вошел в гостиную. Из-за его спины показалась констебль Вернон.

– Эмилио Коди посмотрел вчерашнюю реконструкцию, – сообщил сержант Финборо, усевшись на твой диван. – Тесс уже родила.

Как так? Ты обязательно сообщила бы мне эту новость!

– Наверное, это какая-то ошибка...

– В больнице Святой Анны подтвердили, что в прошлый четверг приняли у Тесс роды. В тот же день она выписалась. – Детектив сделал паузу, а затем с должной скорбью в голосе швырнул следующую гранату: – Ребенок родился мертвым.

Мертворожденный. Умерший еще до появления на свет. Покойный. Мне всегда казалось, что это слово звучит умиротворяюще. Покойный – не нарушающий покоя, тихий, крот-

кий. Покойные воды. Покойно будь, о сердце ретивое. Покойной ночи... Теперь я понимаю, что этому слову отчаянно не хватает жизни. Жестокий эвфемизм, безжалостно обнажающий тот самый факт, который призван завуалировать. А ведь тогда я даже не думала о твоём малыше. Прокручивала в голове одну-единственную мысль: это случилось неделю назад, а ты не подала никакой весточки.

– Мы опросили сотрудников психиатрического отделения больницы Святой Анны, – продолжил сержант Финборо. – Тесс автоматически перевели в психиатрию в связи со смертью ребенка. Лечащего врача зовут доктор Николс. Я дозволился ему домой, и он сказал, что у Тесс послеродовая депрессия.

Новости ударной шрапнелью разрывали наши с тобой отношения. Ты не сообщила о смерти ребенка. Страдая от депрессии, не обратилась ко мне за помощью. Я знала всех твоих друзей, знала, над каким полотном ты работаешь, какую книгу читаешь, знала даже кличку твоей кошки (на следующий день я вспомнила – Запеканка). Твоя жизнь всегда была известна мне до мельчайших подробностей, но я не знала главных вещей. Я не знала тебя.

Выходит, дьявол все-таки предложил мне сделку. Я должна смириться с тем, что мы с тобой – почти чужие люди, а взамен полиция выяснит, что тебя никто не похищал. Ты не убита. Ты жива. Я не раздумывая приняла условия сделки.

– Опасения по поводу здоровья вашей сестры остаются, – произнес сержант Финборо, – однако у нас нет оснований считать, что к делу причастны третьи лица.

Я сделала короткую паузу – ради соблюдения формальностей, дабы разобрать мелкий шрифт договора.

– А как же тот человек, что донимал Тесс по телефону?

– Доктор Николс считает эти звонки плодом воображения Тесс, следствием нестабильного психического состояния.

– А разбитое окно? Пол в спальне был усеян осколками.

– Мы изучили это обстоятельство, когда домовладелец заявил о пропаже вашей сестры. В ночь на вторник хулиганы разбили стекла в пяти машинах, припаркованных на улице. Должно быть, кирпич влетел и в окно Тесс.

Волна облегчения расслабила мои натянутые нервы. Страх ушел, а вместо него навалилась чудовищная усталость.

Проводив полицейских, я пошла к Эмиасу.

– Вы знали, что ее ребенок умер? – напрямую спросила я. – Потому и посоветовали мне выбросить одежды?

Старик печально посмотрел на меня:

– Мне очень жаль. Я думал, вы тоже знаете.

Я не хотела продолжать эту тему. Не теперь.

– Почему вы не сказали полиции о ребенке?

– Тесс не замужем. – Увидев мое озадаченное выражение, Эмиас добавил: – Я не хотел, чтобы ее посчитали распущен-

ной. Боялся, что не станут искать.

Пожалуй, он был прав, хотя несколько в ином смысле. Как только полиции стало известно, что у тебя послеродовая депрессия, розыски утратили срочность. В тот момент, однако, меня волновало другое.

– От чего умер ребенок? Тесс ведь говорила, что его вылечили!

– От муковисцидоза вылечили. Но ребеночек болел еще чем-то, а они не знали. Кажется, что-то с почками.

Я поехала к маме, чтобы сообщить ей хорошие известия. Да, хорошие, выяснилось, что ты жива. Прости, тогда я не думала о ребенке. Сделка с дьяволом... К тому же оказавшаяся подставной.

По дороге к маме я вдруг поняла собственную ошибку. Как же я глупа! Послушно поверила в предложенную версию, идиотка. Так хотела заключить эту сделку, что позволила себя обмануть! Я знала тебя с самого рождения. Я была рядом с тобой, когда отец ушел из семьи, когда умер Лео. Я знала главное. Ты обязательно сказала бы мне о смерти ребенка. И о том, что собираешься уехать. Значит, что-то тебе помешало. Или кто-то помешал.

Мама испытала то же облегчение, что немногим раньше и я. Не позволив ее радости продлиться, я поступила жестоко.

– Думаю, они ошибаются, мам. Тесс не сорвалась бы ку-

да-то просто так, она обязательно сказала бы мне.

В отличие от меня мама крепко ухватилась за надежду и не собиралась расставаться с ней так легко.

– Солнышко, просто у тебя нет своих детей. Ты даже представить себе не можешь, что сейчас переживает Тесс. Беби-блюз – сама по себе штука неприятная, а тут еще все остальное... – Мама всегда умела находить замену неприятным словам. – Нельзя сказать, что я обрадована смертью младенца, – продолжала она, – но теперь по крайней мере у Тесс есть второй шанс. Мало кто из мужчин готов принять чужое дитя.

Очень по-матерински – увидеть в случившемся перспективы светлого будущего.

– Я убеждена, что Тесс исчезла не по своей воле.

Мать не желала меня слушать и продолжала рисовать для тебя спокойную, надежную жизнь:

– Надеюсь, второго ребенка она родит в более благоприятных обстоятельствах... – Голос ее все-таки дрогнул.

– Послушай, мам...

– Ты знала, что Тесс беременна, да? – перебила она.

Из будущего мама перепрыгнула в прошлое. Предпочитала находиться в любом временном измерении, только не в настоящем, где с тобой что-то происходило.

– Выходит, тебя не смущало, что младшая сестра станет матерью-одиночкой?

– Ты же справилась. Доказала нам, что можно вырастить

детей и без мужа.

Я хотела, чтобы мои слова прозвучали по-доброму, но лишь сильнее разозлила маму.

– Нечего сравнивать меня и Тесс! Я забеременела, будучи в законном браке. Да, мой муж бросил меня, но он сам так решил.

До сего дня мама ни разу не называла его «мой муж», всегда только «ваш отец».

– Кроме того, у меня есть понятие о приличиях и стыде, и Тесс тоже не мешало бы кое-что об этом знать!

Как я и говорила, гнев способен ослабить страх, хотя бы на некоторое время.

На обратном пути из Литтл-Хадстона в Лондон началась метель, превратившая шоссе М11 в один безумный снежный вихрь. Белые хлопья сплошной стеной валили с неба, липли на лобовое стекло. Их было так много, что стеклоочистители уже не справлялись. По обеим сторонам дороги в свете фар вспыхивали знаки, предупреждающие о сложных погодных условиях и призывающие водителей снизить скорость в целях безопасности. Ревя сиреной, мимо промчалась карета «скорой помощи».

– *Это не гудеж, Би.*

– *Ладно, тогда просто адский шум.*

– *Сирена – это голос кавалерии двадцать первого века.*

Ты только что поступила в художественный колледж, и твою головку переполняли мысли, до-которых-никто-прежде-не-додумался. В придачу у тебя появилась еще одна неприятная черта, типичная для студентов: уверенность в том, что все прочие люди не способны понять простейших вещей.

– Под кавалерией я подразумевала карету «скорой помощи», полицейскую или пожарную машину, спешащую на помощь людям.

– Спасибо, Тесс, я догадалась.

– И сочла мое высказывание глупым?

– Угу.

Ты коротко хихикнула.

– Нет, если серьезно, то для меня сирена – это сигнал того, что общество заботится о гражданах.

«Скорая помощь» исчезла из виду, вой сирены растворился в воздухе. Спешит ли кавалерия на помощь к тебе? Я заставила себя прогнать эти мысли. Понимала, что нельзя думать о худшем. Но все равно мне было холодно, страшно и одиноко.

Скользкие дороги в твоём квартале, не посыпанные песком, оказались весьма коварными. Уже у самого дома мою машину занесло, и я чуть не сбила припаркованный тут же мопед. На ступеньках сидел парень лет двадцати с неболь-

шим. В руках он держал несуразно большой букет. Снежные хлопья, падавшие на целлофановую обертку, таяли и превращались в прозрачные капли. Я узнала его по твоим описаниям: Саймон, сын министра. Кстати, ты права: проколотая нижняя губа действительно придавала его юному лицу мученическое выражение. Байкерский костюм Саймона промок, озябшие пальцы побелели. Несмотря на холодный воздух, я уловила запах лосьона после бритья. Помню, ты рассказывала о неловких попытках ухаживания со стороны Саймона. Пожалуй, ты одна из немногих людей, которые честно дарят несостоявшемуся партнеру обещанный утешительный приз в виде дружбы.

Я сообщила ему, что ты пропала без вести. Он с силой прижал букет к груди, ломая хрупкие стебли.

– Давно? – Голос с характерным итонским акцентом звучал тихо.

– В прошлый четверг.

Мне показалось, Саймон побледнел.

– Я встречался с ней в четверг.

– Где?

– В Гайд-парке. Мы были вместе примерно до четырех часов.

Это на два часа позже того времени, когда ты заходила на почту. Судя по всему, Саймон – последний, кто тебя видел.

– Тесс позвонила мне утром, попросила прийти в Кенсингтонские сады, к галерее «Серпентайн». Мы посидели,

выпили кофе, поболтали о том о сем...

Итонский акцент сменился капризным северолондонским. Какой из них настоящий?

– Я предложил проводить ее домой, но она отказалась. – Судя по голосу, Саймон терзался жалостью к самому себе. – С тех пор я ей не звонил, и больше мы не виделись. И да, наверное, с моей стороны это не очень красиво, но я хотел, чтобы она прочувствовала, что такое холод равнодушия.

До какой же степени было раздуто самомнение этого парня, если он считал, что его оскорбленные чувства сколь-нибудь важны для тебя после смерти ребенка или для меня – теперь, когда ты пропала.

– Где ты ее оставил? – спросила я.

– Это она меня оставила, ясно? Мы прогулялись по Гайд-парку, потом она ушла. Я ее не бросал.

Саймон лгал. Фальшивым был северолондонский акцент.

– Где вы расстались?

Он молчал.

– Где?! – рявкнула я.

– На пляже у озера.

До этой минуты я никогда ни на кого не орала.

Я позвонила детективу Финборо и оставила для него срочное сообщение. Саймон грел замерзшие руки под горячей водой у тебя в ванной. Позже, когда он ушел, меня разозлило то, что запах его дурацкого лосьона перебил аромат твоего

мыла и шампуня.

– Что сказали в полиции? – поинтересовался он, входя в гостиную.

– Сказали, что проверят информацию.

– Очень по-американски.

Только у тебя есть право поддразнивать меня таким образом. На самом деле полицейский сказал: «Мы сейчас же займемся этим вопросом».

– Они прочешут весь Гайд-парк? – спросил Саймон.

По правде говоря, я старалась не думать о том, что подразумевал полицейский под словом «займемся». Я заменила английское выражение американским, обернув колючую реальность в мягкую пузырьчатую пленку.

– Нам позвонят? – задал вопрос Саймон.

Я – твоя сестра. Сержант Финборо будет общаться только со мной.

– Да, детектив сообщит *мне*, если будут новости.

Саймон растянулся на диване, задев мокрыми от снега ботинками твою индийскую шаль. Я собиралась кое-что у него выяснить и потому сдержала вспыхнувшее раздражение.

– В полиции говорят, что Тесс пребывала в послеродовой депрессии. Как она показалась тебе?

Некоторое время Саймон не отвечал – рылся в памяти или сочинял новую ложь?

– Она была очень подавлена, – наконец произнес он. – Ей приходилось пить специальные таблетки, чтобы перестало

приходить молоко. Тесс сильно переживала, говорила, что это ужасно – производить пищу для ребенка, которого уже нельзя накормить.

Я понемногу начала понимать твою горе. Прости, что мне потребовалось для этого так много времени. В оправдание могу лишь сказать, что в моих тревогах за тебя ребенку просто не находилось места.

В словах Саймона я уловила что-то не то. Да, вот.

– Ты сказал «была»?

Он недоуменно воззрился на меня.

– Ты сказал: «Она *была* подавлена», так?

На миг я подумала, будто прижала Саймона к стене, но он быстро овладел собой. В голосе опять послышался фальшивый северолондонский акцент.

– Я имел в виду, что она *была* подавлена в тот день, когда мы встречались, в четверг. Откуда мне знать, какое у нее настроение сегодня?

Его лицо уже не казалось мне детским; теперь в нем проглядывала жестокость. Проколотая губа символизировала отнюдь не юношеское бунтарство, но сознательный мазохизм. Я приготовила еще один вопрос.

– Тесс говорила тебе, что малышка вылечили?

– Да, он умер от какой-то другой болезни, не от муковисцидоза.

– Из-за того, что родился на три недели раньше срока?

– Нет. Тесс сказала, что эта болезнь убила бы ребенка, да-

же если бы он появился на свет в положенное время. У него было что-то с почками.

Я собралась с духом:

– Тебе известно, почему она не сообщила мне о смерти ребенка?

– Я думал, ты в курсе. – Во взгляде Саймона промелькнуло торжество. – А ты знала, что Тесс попросила меня быть крестным отцом?

Он упорно не понимал моих вежливых намеков и неохотно убрался только после того, как я открыто указала ему на дверь. Обычно я так себя не веду.

Тщетно прождав два с половиной часа, я сама позвонила в полицию. На другом конце провода мне сказали, что сержанта Финборо нет на месте. Я решила отправиться в Гайд-парк в надежде, что не встречу там детектива, что он занят расследованием более важного дела, а тебя причислил к «потеряшкам», которые возвращаются домой сами. Я надеялась, что он прав, а я ошибаюсь и ты просто уехала куда-нибудь, чтобы справиться с горем. Я заперла дверь и спрятала ключ под горшком с розовым цикламеном – на случай если ты вернешься в мое отсутствие.

На подъезде к Гайд-парку меня обогнала полицейская машина с включенной сиреной. Похолодев от ужаса, я прибавила газу. У Ланкастерских ворот я увидела, что опередивший меня автомобиль присоединился к другим. На их кры-

шах сверкали красно-синие огни, со всех сторон слышался металлический вой сирен.

Я вышла из машины и побрела в парк. С неба неслышно падал снег. Мне хотелось оттянуть эту минуту, позволить надежде продлиться хотя бы еще немного. Многие сочли бы меня эгоисткой, но ты поймешь мои чувства, ведь ты жила с бедой в душе, точнее, часть твоей души умерла вместе с ней. Впереди я увидела полицейских, человек десять – пятнадцать. Туда же, прямо в парк, съезжались полицейские авто. Вокруг начали собираться зеваки – реалити-шоу в прямом эфире...

На свежевыпавшем снегу виднелись следы ног и отпечатки автомобильных шин. Много следов.

Я медленно двинулась вперед. Мной овладело странное спокойствие; я смотрела на себя словно со стороны: ощущала неровное биение собственного сердца, нехватку воздуха, сильный озноб. Мой разум как будто пребывал на расстоянии от тела, наблюдая за его реакцией.

Я прошла мимо зрителя парка, одетого в коричневую униформу. Он разговаривал с мужчиной, который держал на поводке лабрадора.

– Нас спрашивали насчет пляжа и озера, и я решил, что они хотят обследовать дно, но их начальник приказал сперва осмотреть пустующие сооружения, – рассказывал зритель. – После того как урезали бюджет, у нас таких много. –

Привлеченные разговором, к хозяину лабрадора присоединились новые слушатели – собачники и бегуны трусцой. – Вон в том здании раньше был мужской туалет. Потом уж не стали его ремонтировать, просто выстроили новый – так дешево.

Я миновала эту небольшую толпу и направилась к полицейским, которые выставляли оцепление вокруг ветхой постройки викторианских времен, наполовину скрытой в кустах.

Немного поодаль стояла констебль Вернон. Она вся тряслась; обычно румяные щеки были бледны, глаза опухли от слез. Один из коллег поддерживал ее за плечи. Меня они не замечали.

– Да, видела, но только в больнице, – всхлипывала констебль Вернон. – А эта ну совсем молоденькая, и одна-одинешенька, бедняжка...

Позднее я ощутила горячую признательность к этой добросердечной женщине за искреннее сопереживание, но в ту минуту ее слова обожгли мой рассудок, заставили осознать происходящее.

Я приблизилась к месту оцепления. Сержант Финборо увидел меня и на несколько секунд замер, недоумевая, что я здесь делаю. Затем, однако, на его лице появилось сочувственное выражение. Детектив подошел ко мне.

– Беатрис, я искренне сожалею...

Я не дала ему договорить. Пока слова не произнесены

вслух, можно считать, что ничего не случилось.

– Это ошибка!

Я почувствовала непреодолимое желание убежать. Он осторожно сжал мою руку. Тогда мне показалось, что сержант Финборо хочет удержать меня от резких действий; теперь я понимаю – это был просто жест доброты.

– Мы нашли Тесс.

Я попыталась выдернуть руку.

– Вы не можете утверждать наверняка.

Сержант посмотрел мне в глаза – даже в то мгновение до меня дошло, что это потребовало от него определенного мужества.

– Мы обнаружили при ней студенческий билет. Боюсь, ошибки нет. Мне очень жаль, Беатрис. Ваша сестра мертва.

Он отпустил мою руку. Я побрела прочь.

– Беатрис!.. – окликнула меня констебль Вернон.

За спиной послышался голос сержанта Финборо:

– Оставьте ее. Ей нужно побыть одной.

Спасибо, детектив.

Я опустилась на скамейку под черными деревьями, голыми и безжизненными, укрытыми заглушающим все и вся снегом.

В какой момент я осознала, что ты умерла? Тогда, когда мне сказал об этом сержант Финборо? Когда я увидела бледное, заплаканное лицо констебля Вернон? Или твою зубную

щетку в ванной? После маминого звонка в воскресенье? Когда?

Полицейские вынесли из туалета носилки, на которых лежал черный пластиковый мешок. Я подошла ближе. В застежке-молнии застряла прядь твоих волос.

И тогда я поняла.

Глава 4

Зачем я тебе пишу? В прошлый раз я уклонилась от этого вопроса, начала объяснять про необходимость во всем разобраться, про пуантилизм и желание создать полную картину... Я ушла от главного: почему я пишу тебе? Детская выдумка, игра полубезумной старшей сестры? Из простыней и одеял получается отличная палатка, пиратский корабль или целый замок. Ты – бесстрашный рыцарь, Лео – щеголеватый принц, а я – принцесса и рассказчица, выстраивающая сюжет. Я всегда рассказывала сказки, помнишь?

Верю ли я, что ты меня слышишь? Совершенно точно/Исключено. Выбирай сама. Лично я меняюсь во мнении ежеминутно.

Выражаясь проще, мне нужно с тобой поговорить. Мама рассказывала, что до твоего рождения я не отличалась разговорчивостью, зато потом, когда появилась сестренка, меня уже было не остановить. Я не хочу останавливаться и сейчас. Умолкнув, я потеряю частицу души. Частицу себя. Конечно, ты не можешь поспорить со мной или выразить свою точку зрения, но ведь я примерно знаю, что ты сказала бы по тому или иному поводу, так же как ты знала, какой реакции от меня ждать. И пускай это будет монологом, разговором в одну сторону, но вести его я могу только с тобой.

Из него ты узнаешь, почему тебя убили. Я могла бы начать

с конца, с последней страницы, и сразу дать тебе ответ, но ты обязательно спросишь о чем-то, что заставит меня вернуться на несколько страниц назад, а потом еще и еще, и в итоге мы все равно окажемся в начале. Лучше я буду излагать все в том порядке, в котором сама все узнавала.

– Полицейский, которого я прежде не видела, попросил меня опознать ее.

Я рассказываю мистеру Райту все, что рассказала тебе, за исключением сделки с дьяволом и прочих отступлений, несущественных для дела.

– В какое время это было? – мягко спрашивает мистер Райт. В его голосе, как всегда, сквозит доброта, но я не могу ответить. В день, когда тебя нашли, время словно сошло с ума. Минута длилась целую вечность, час пролетал за считанные мгновения. Словно в детской книжке, я проносились сквозь недели и года, держа курс на вторую звезду справа и вперед до самого утра, которое никогда не наступит. Я была частью картины Дали – той, на которой он изобразил стекающие часы; гостьей на безумном чаепитии со Шляпником. Неудивительно, что Оден сказал: «Часы останови, забудь про телефон...»³ Я понимаю эту просьбу, этот отчаянный рывок из тьмы к здравости рассудка.

– Не знаю, – отвечаю я, рискнув выдать частичку правды. – Время перестало иметь для меня значение. Обычно оно

³ Пер. И. Бродского.

влияет на ход вещей, но когда умирает близкий человек, никакое время не способно это изменить и просто больше ничего не значит.

Увидев прядь твоих волос, я поняла, что горе – это любовь, превратившаяся в неизбежную тоску. Согласна, немного чересчур для мистера Райта, но я хочу, чтобы он лучше понял, как я воспринимала твою смерть. Реальность смерти нельзя вместить в минуты, часы или дни. Помнишь антикварные кофейные ложечки, отделанные эмалью, похожей на разноцветную карамель? Именно так я отмеряла свою жизнь – маленькими, строго определенными порциями. А твоя смерть была бескрайним океаном, в котором я безнадежно тонула. Известно ли тебе, что глубина океана достигает одиннадцати километров? Туда не способен проникнуть ни один луч солнца. В этом непроглядном мраке выживают лишь бесформенные, безымянные мутанты – кошмарные эмоции, о существовании которых я не подозревала до тех пор, пока ты не умерла.

– Поставим точку на сегодня? – предлагает мистер Райт. Похоже, он озвучил мои собственные мысли и сомневается, все ли у меня нормально с психикой. Нет, не может быть. Я уверена, что ничем не выдала своих дум, а мистер Райт, как обычно, предупредителен. Однако я больше не хочу возвращаться в тот день.

– Если позволите, я договорю.

Мистер Райт едва заметно напрягается – видимо, делает

над собой усилие. Я не думала, что ему тоже придется трудно. Мы чем-то похожи на героев поэмы Кольриджа – Старый Мореход, рассказывающий свою печальную историю, и Свадебный Гость, которому тяжело ее слушать. Мистер Райт кивает, и я продолжаю:

– Полицейские привезли маму в Лондон, но она отказалась участвовать в опознании, поэтому я поехала в морг без нее, в сопровождении пожилого сержанта. Забыла, как его звали. Он был очень добр ко мне.

В морге сержант взял меня за руку и не отпускал ее. Мы миновали бокс, где производят вскрытие. Сияющие металлические столы, белая плитка, яркий свет – жуткое воплощение дизайнерской кухни в стиле хай-тек. Сержант привел меня туда, где была ты. Сильно пахло антисептиком. Полицейский спросил, готова ли я. «Нет, – хотелось ответить мне, – нет, и никогда не буду». Я кивнула. Он откинул простыню.

На тебе было теплое зимнее пальто, мой подарок к Рождеству. Я позаботилась о том, чтобы ты не мерзла. Увидев тебя в этом пальто, я почему-то обрадовалась. Цвет смерти нельзя описать, у него нет соответствия в патентованной системе. Цвет смерти – противоположность понятию цвета. Противоположность жизни. Я коснулась твоих волос, по-прежнему гладких, как шелк.

– Она была красавицей...

Сержант крепче стиснул мою руку.

– Да, она очень красива.

Немолодой полицейский употребил настоящее время, и я решила, что он плохо меня расслышал. Теперь мне кажется, что он просто хотел как лучше, ведь смерть пока не лишила тебя всех достоинств. Сержант оказался прав: ты была красива той особенной красотой, что отличала трагических героинь Шекспира. Ты стала Офелией, Дездемоной, Корделлией – бледной и недвижимой; поруганной девой, пассивной жертвой. Но при жизни ты никогда не была трагичной или пассивной и уж тем более жертвой. Ты искрилась весельем, олицетворяла собой энергичность и независимость.

Плотные рукава пальто насквозь пропитались кровью. Когда она высохла, шерстяная материя задеревенела. Я увидела порезы на твоих запястьях – там, откуда из тебя вытекла жизнь.

Не помню, о чем спрашивал сержант, что отвечала я и отвечала ли вообще. Помню только, как он держал меня за руку.

Когда мы покинули морг, сержант спросил, желаю ли я, чтобы французская полиция известила нашего отца о случившемся. Я поблагодарила его за заботу.

Мама ждала меня у выхода.

– Прости, я бы просто не вынесла, увидев ее *такой*.

Она считала, что я способна это вынести?

– Разве обязательно проходить через эту процедуру? –

продолжала мама. – Неужели нельзя использовать анализ ДНК или что-то подобное? Что за дикость!

Я полагала иначе. Чтобы поверить в твою смерть, мне было необходимо соприкоснуться с жестокой и тягостной реальностью. Я должна была увидеть твое лицо и этот цвет, не имеющий названия.

– Ты ходила совсем одна? – спросила мама.

– Нет, меня сопровождал полицейский. Очень добрый и внимательный.

– Они весьма любезны. – Ей нужно было отметить хоть что-нибудь позитивное. – Журналисты несправедливо нападают на полицию, правда? Нет, в самом деле, с нами тут обходятся очень вежливо и... – Мама умолкла, осознав тщетность своей попытки. – У Тесс на лице... Ну то есть...

– Нет. Никаких следов. Лицо безупречно.

– Оно такое красивое...

– Да.

– У нее всегда было прелестное личико. Если бы еще волосы его не закрывали! Я миллион раз просила Тесс убирать их наверх или подстричься по-человечески. Разумеется, не потому, что мне не нравились ее волосы, а наоборот, чтобы люди видели, какая она у нас хорошенькая...

Мама разрыдалась. Я обняла ее, и только сейчас мы ощутили физическую близость, в которой так нуждались с момента встречи. Мои глаза оставались сухими; я чуть-чуть позавидовала маме, ведь у нее получалось исторгнуть из себя

со слезами хоть какую-то часть этой мучительной боли.

Я отвезла ее домой, уложила в постель и сидела рядом, пока она не заснула.

Ночью я поехала обратно в Лондон. На шоссе M11 опустила стекла и начала кричать, перекрывая рокот мотора, шорох асфальтового покрытия. Я орала до хрипоты, пока не заболело горло. Лондонские дороги встретили меня тишиной. Спящие улицы, безлюдные тротуары. Совсем не верилось, что утром в темном, опустевшем городе вновь вспыхнут огни, оживет людской муравейник. Я не раздумывала о том, кто оборвал твою жизнь; твоя смерть разрушила способность мыслить. Я всего лишь хотела вернуться в твою квартиру, просто быть ближе к тебе.

Когда я приехала, часы в машине показывали три сорок утра. Я запомнила цифры, потому что день, когда тебя нашли, закончился и наступил следующий – «после того как». Ты постепенно уходила в прошлое. Люди отчего-то убеждены, что фраза «жизнь продолжается» прибавляет оптимизма. Тот факт, что твоя жизнь продолжается, а жизнь любимого человека уже нет, вызывает самые острые приступы тоски, неужели это не понятно? На смену одному дню придет другой, за ним третий, пятый и так далее, но все они будут не тем днем, «когда нашли тебя», когда наступил конец надеждам и моей прежней жизни вместе с тобой.

В темноте я поскользнулась на ступеньке и схватилась за

ледяные перила. Обжигающий холод и выброс адреналина еще сильнее заставили осознать: ты действительно умерла. Я приподняла горшок с розовым цикламеном, пошарила в поисках ключа, оцарапав костяшки пальцев о мерзлый бетон. Ключ исчез. Твоя парадная дверь была приоткрыта. Я шагнула на порог.

В квартире кто-то находился. Скорбь заглушила все прочие эмоции; входя, я не испытывала страха. Какой-то мужчина рылся в твоих вещах. Гнев прорвал завесу горя.

– Какого хрена?!

Погрузившись в глубокий мысленный океан траура, я не узнавала даже собственных слов. Мужчина обернулся.

– На сегодня все? – спрашивает мистер Райт.

Я бросаю взгляд на часы: почти семь. Хорошо, что он позволил закончить с днем, когда тебя нашли.

– Простите, я не знала, что уже поздно.

– Как вы сами сказали, со смертью близкого человека время перестает иметь значение.

Я ожидаю продолжения и понимаю, насколько разные у нас с ним ситуации. За последние пять часов я полностью обнажила душу перед мистером Райтом. В кабинете повисает неловкая тишина. У меня мелькает мысль: не попросить ли его об ответной откровенности?

– Моя жена погибла в автокатастрофе два года назад.

Наши глаза встречаются, между нами возникает что-то

вроде товарищества; мы – два ветерана одной войны, уставшие в боях, эмоционально израненные в кровь. Дилан Томас ошибался: всевластью смерти не придет конец. Смерть – победительница в этой войне, а наша скорбь – сопутствующий ущерб. Изучая английскую литературу в университете, я даже не предполагала, что стану опровергать высказывания поэтов, вместо того чтобы запоминать их строчки.

Мистер Райт провожает меня к лифту. Уборщица пылесосит коридор, офисы погружены в темноту. Нажав кнопку вызова, мистер Райт дожидается, пока откроются двери лифта. Я вхожу в пустую кабину.

Лифт едет вниз, я ощущаю во рту вкус желчи. Тело, как и разум, наделено памятью, и я вновь чувствую подступающую дурноту, как будто организм пытается физически извергнуть страшное знание. Опять бешено колотится сердце, опять не хватает воздуха. Я выхожу из лифта, и в голове снова пульсирует дикая боль, как и тогда. В день, когда тебя нашли, осознание твоей смерти сотрясало мой мозг нескончаемой серией взрывов. Пересказывая события мистеру Райту, я словно стою посреди минного поля с плотной повязкой на глазах. Твоя смерть никогда не станет обезвреженной территорией, но однажды – потом, в лучшие времена – я научусь обходить мины. Однажды – это не скоро, не сегодня.

Я выхожу на улицу. Вечерний воздух хорошо прогрет, и все же меня бьет озноб, кожа вся в мурашках – пытается сохранить тепло. Не знаю, отчего в тот день меня сотрясала

дрожь – от холода или шока.

Сегодня я не чувствую за спиной зловещего дыхания чужака. Возможно, потому, что, воскресив события того страшного дня, я истратила всю душевную энергию и на страх уже нет сил. Я решаю не ехать на метро, пройтись пешком. Тело нуждается в сигналах реального окружающего мира, а не атмосферы, царящей в памяти. Моя смена в «Койоте» начнется только через час с небольшим, я как раз успею прийти.

Да, ты изумлена, и да, можешь обозвать меня лицемеркой и притворщицей. Как сейчас помню свой надменный тон:

– Официантка в баре? Неужели ты не могла найти что-нибудь более...

Ты прекрасно поняла, что я хотела сказать: более интеллектуальное, более достойное тебя, не столь «тупииковое».

– Речь не о карьере, а лишь о способе оплачивать счета.

– Но почему не подыскать работу, на которой можно чего-то добиться?

– Это не работа, а подработка.

За твоим юмором я разглядела легкую обиду. Ты уловила в моих словах скрытую колкость – неверие в твое будущее как художника.

Для меня это больше чем подработка. Это вообще един-

ственная работа, которая у меня есть. Босс любезно предоставил мне отпуск, но через три недели его великодушие иссякло. «Делайте ваш выбор, Беатрис». Оставшись в Лондоне, я его сделала, то есть потеряла место. Звучит так, будто я беззаботная особа, легко приспосабливающаяся к ситуации, готовая не моргнув глазом променять должность топ-менеджера крупной дизайнерской фирмы на подработку официанткой по вечерам. Что ж, ты знаешь – я совсем не такая. Работа в Нью-Йорке – пятидневка, солидный ежемесячный оклад, пенсионные отчисления, пакет бонусов – была для меня последней точкой опоры, последним надежным оплотом в жизни. Как ни странно, в «Койоте» мне нравится.

Прогулка помогает успокоиться: через сорок минут дыхание становится более размеренным, пульс выравнивается. Я решаю внять твоим словам – в самом деле, надо хотя бы позвонить отцу. С другой стороны, новая жена утешит его гораздо лучше, чем я. Да, они женаты уже восемь лет, но для меня эта женщина до сих пор «невеста» – в белом платье и диадеме из фальшивых бриллиантов, юная, свежая, с нежным личиком, не омраченным тенью утрат. Неудивительно, что отец предпочел ее нам.

Я вхожу в «Койот». Беттина уже раскатала темно-зеленый навес и накрывает старые деревянные столы на террасе. Завидев меня, она широко распростирает руки – мне остается только шагнуть в ее объятия. Еще несколько месяцев назад подобная демонстрация чувств вызвала бы у меня острую

неприязнь. К счастью, я стала немного проще. Мы крепко обнимаемся, я благодарна Беттине за это физическое проявление дружбы. Дрожь наконец унимается.

Она с беспокойством смотрит на меня:

– Выдержишь смену?

– Да, все в порядке.

– Мы видели тебя в новостях. Суд назначили на лето?

– Да.

– Как ты думаешь, когда мне вернут комп? – улыбается

Беттина. – У меня ужасно корявый почерк, никто не может разобрать, что написано в меню.

Полицейские забрали ее компьютер.

Узнав, что ты часто пользовалась компьютером хозяйки кафе, полиция на время конфисковала его, чтобы поискать зацепки. У Беттины действительно прелестная улыбка, я неизменно попадаю под ее очарование. Беттина обнимает меня за плечи и провожает в бар, а я только сейчас догадываюсь, что она специально ждала моего прихода.

По-прежнему болит голова и подташнивает, но я старательно выполняю свои обязанности. Если окружающие и заметили, что я веду себя тише обычного, то ничем этого не показали. Я всегда быстро считала в уме, так что эта часть работы дается мне легко, а вот шутки-прибаутки в общении с клиентурой – мое слабое место. По счастью, Беттина может щebetать за двоих, поэтому сегодня вечером я полагаюсь на

нее, как часто полагалась на тебя. Все посетители – постоянные клиенты и относятся ко мне с той же деликатностью, что и персонал бара – не задают вопросов, не высказывают своих мнений. Тактичность – вещь заразительная.

Домой я возвращаюсь поздно, выжатая как лимон, и хочу только одного – спать. К моей радости, перед домом остались всего трое самых стойких репортеров. Наверное, фрилансеры, желающие подзаработать. Теперь они одиночки, а не члены большой стаи и потому уже не выкрикивают вопросы мне в лицо, не тычут объективами. Их манера скорее напоминает сценарий коктейль-приема – то есть эти люди по меньшей мере осознают, что я вполне могу не захотеть с ними общаться.

– Мисс Хемминг?

Вчера меня с отвратительной фамильярностью окликали по имени: «Беатрис!» (Я даже слышала «Арабелла!» – от тех халтурщиков, что поленились подготовиться к репортажу.) Держась на почтительном расстоянии, журналистка настойчиво добивается моего внимания:

– Вы позволите задать вам несколько вопросов?

Это та самая женщина, чей разговор по мобильному я слышала из-за кухонной двери в воскресенье.

– Разве вам не пора читать ребенку вечернюю сказку?

Она явно обескуражена.

– Я подслушивала.

– Сегодня я оставила сына с тетей. Кроме того, за чтение

сказок мне, увы, не платят. Что вы хотели бы рассказать о вашей сестре?

– Она купила пальчиковые краски для своего малыша.

Не знаю, почему у меня это вырвалось. Возможно, меня впечатлило то, что ты впервые не просто жила настоящим, но строила планы на будущее. Журналистка, разумеется, ждет продолжения. Ей нужно больше фактов.

Я пытаюсь вместить тебя в одно предложение. Вспоминаю черты твоего характера, но в голове сами собой складываются строчки объявления из раздела знакомств: «Привлекательная, талантливая, общительная и веселая девушка двадцати одного года ищет...» Я слышу твой смех. Да, забыла упомянуть твое отличное чувство юмора, но в остальном ничуть не приврала. За что люди любят тебя? Мысленно перечисляя твои достоинства, я невольно приближаюсь к стилю некролога, а для этого ты еще слишком молода. В мои размышления бесцеремонно вторгается другой репортер, мужчина постарше, который прежде молчал:

– Это правда, что вашу сестру исключили из школы?

– Да. Она ненавидела правила, особенно дурацкие.

Репортер царапает в блокноте, а я возвращаюсь к попытке охарактеризовать тебя одной фразой. Сколько придаточных предложений может цепляться за главное?

– Мисс Хемминг?

Я поднимаю глаза на журналистку:

– Она должна была жить.

Мое резюме о тебе из четырех слов.

Я вхожу в квартиру, запираю дверь и слышу тебя; ты говоришь, что я была чересчур сурова к отцу. Ты права, но тогда я еще слишком на него злилась. Тебе, маленькой девочке, было не понять, каким ударом для мамы и Лео оказался его уход всего за три месяца до смерти нашего брата. Разум убеждает меня, что всему виной муковисцидоз. Болезнь заставила папу бросить семью, сделала из Лео инвалида, на которого не мог смотреть родной отец. Это муковисцидоз превратил мамино сердце в туго сжатый комок, с трудом поддерживавший ее собственную жизнь, не говоря уже о том, чтобы биться ради других. По логике, отец имел основания поступить так, как он поступил, но у него были дети, а это обстоятельство исключает право на уход. Да, я сказала, что дети «были», потому что двое из них уже мертвы, а третий давно вырос.

Ты поверила, когда он пообещал вернуться. Я, хоть и старше тебя на пять лет, совершила ту же ошибку и долгие годы верила в сказку со счастливым концом. Эта вера иссякла в первую же ночь, проведенную мной в университетском общежитии, когда я поняла бессмысленность своих надежд. Я нуждалась не в счастливом конце отношений с отцом, а в счастливом начале. Хотела, чтобы он заботился обо мне, когда я была маленькой, и не хотела искать для него оправданий, будучи взрослой. Правда, теперь я уже не столь в этом

уверена.

Я смотрю в окно: репортеры наконец убрались. Запеканка, урча, трется пушистым тельцем о мои ноги, выпрашивает чего-нибудь вкусенького. Покормив кошку, я беру лейку и выхожу на задний дворик.

– Это называется задним двором? – ошеломленно спросила я в свой первый визит к тебе. Меня поразило, что под этими словами ты подразумевала не американское понятие садика, а в буквальном смысле двор – маленькую площадку, засыпанную щебнем, и пару мусорных контейнеров.

– Вот увидишь, Би, скоро здесь все преобразится, – улыбнулась ты.

Должно быть, ты трудилась не покладая рук. Щебенки нет и в помине, все тщательно вскопано, посажены цветы. Ты всегда любила возиться с землей. Помню, когда мама работала в саду, ты по пятам ходила за ней в ярком фартучке и с детской лопаткой в руке. А я совершенно равнодушна к огородничеству. И дело даже не в долгом промежутке времени между тем, как семечко упадет в землю, и тем, когда оно прорастет (ты сгорала от нетерпения, ожидая этого дня). Более всего меня огорчает краткость цветения. Растения слишком эфемерны и недолговечны. Я всегда предпочитала коллекционировать фарфоровые статуэтки – надежные и прочные предметы, лишённые души и потому неизменные.

И все же, поселившись у тебя, я честно старалась приглядывать за маленьким клочком земли на заднем дворике. (К счастью, за твоими «вавилонскими садами» на ступеньках у парадного входа ухаживает Эмиас.) Я регулярно поливала растения, даже вносила удобрения. Почему я заботилась о твоих цветах? Может быть, считала это важным для тебя. Или потому, что в свое время не сумела позаботиться о тебе? Как бы то ни было, мои старания пошли прахом – все растения погибли. Стебельки почернели, листья сохли и облетели. Осталась только голая земля. Я выливаю воду из лейки до последней капли. Зачем я трачу время на бесполезное занятие?

«Вот увидишь, Би, скоро здесь все преобразится».

Я заново наполню лейку и подожду еще немного.

Глава 5

Среда

Я приезжаю в уголовный суд, подхожу к офису мистера Райта и ловлю на себе взгляд мисс Влюбленной Секретарши. Точнее сказать, она пристально рассматривает меня. Видимо, оценивает соперницу. По коридору торопливо шагает мистер Райт; в одной руке у него портфель, в другой – газета. Он широко улыбается мне, пока не переключив внутренний тумблер с домашнего режима на рабочий. Теперь я уверена, что мисс Влюбленная Секретарша видит во мне конкурентку: после того как босс улыбнулся мне, ее лицо приобрело откровенно враждебное выражение. Мистер Райт ничего не замечает.

– Простите, что заставил вас ждать. Проходите, присаживайтесь. – Мысленно он еще завязывает галстук.

Я вхожу в кабинет вслед за мистером Райтом. Он закрывает дверь, но я спиной чувствую, что секретарша все еще смотрит ему вслед.

– Как вы себя чувствуете? Как спали? – интересуется мистер Райт. – Понимаю, вам сейчас мучительно больно.

До того как ты умерла, моя жизнь характеризовалась прилагательными средней эмоциональной насыщенности: «напряженный», «утомительный», «трудный». Теперь в моем описательном словаре сплошь тяжелые снаряды: «мучитель-

ный», «кошмарный», «тягостный».

– Мы остановились на том, что вы обнаружили в спальне Тесс постороннего человека.

– Да.

Воображаемый галстук мистера Райта завязан, мы возвращаемся к работе. Он цитирует мои последние слова:

– «Какого хрена?!»

Мужчина обернулся. Несмотря на холод в квартире, его лоб блестел от пота. Овладев собой, он заговорил. Итальянский акцент – намеренно или нет – звучал игриво.

– Меня зовут Эмилио Коди. Извините, если напугал.

Я сразу догадалась, кто он, и почувствовала исходившую от него угрозу, то ли потому, что подозревала этого человека в убийстве, то ли просто так. Видишь ли, в отличие от тебя я нахожу южноевропейскую сексуальность – смуглую кожу итальянцев и четко очерченную, мужественную линию подбородка – скорее недоброй, нежели привлекательной.

– Вам известно, что Тесс мертва? – спросила я и сама поняла нелепость своего вопроса. Пошлая фраза из театрального диалога, которую я к тому же не сумела произнести. Но потом я вспомнила цвет твоего лица – цвет смерти.

– Да, я видел сюжет в новостях. Ужасная, ужасная трагедия.

Присущая голосу Эмилио мелодичность пленяла, хоть и противоречила смыслу его слов, а я вдруг подумала, что пле-

нять – значит не только очаровывать, но и обманывать, завлекать в сети.

– Я пришел за своими вещами. Вам может показаться, что я слишком тороплюсь, что это неприлично...

Я перебила его:

– Вы знаете, кто я?

– Наверное, подруга?

– Сестра.

Эмилио бросило в жар. Он попытался скрыть свою нервозность, но его выдал голос.

– Прошу извинить за вторжение.

Он шагнул к двери, однако я преградила ему путь:

– Это вы ее убили?

Глупо, конечно, только ведь и я не героиня безупречно выстроенного детективного романа.

– Понимаю, у вас большое несчастье... – забормотал Эмилио.

– Вы настаивали, чтобы моя сестра сделала аборт! – опять перебила я. – А потом решили избавиться и от нее тоже?

Эмилио опустил на пол то, что держал под мышкой, – это оказались твои холсты.

– Вы сейчас сильно расстроены, и это вполне объяснимо...

– Убирайтесь! Проваливайте к черту!

Я орала, изливая на него свое безобразное горе, визжала и рычала даже после того, как Эмилио ушел. Через распахну-

тую парадную дверь в квартиру ввалился заспанный Эмиас.

– Я услышал крики...

Я молчала. Он посмотрел на меня и все понял без слов. Плечи Эмиаса поникли, старик отвернулся, не желая, чтобы я видела его скорбь.

Зазвонил телефон. Я дождалась, пока сработает автоответчик. «Привет, это Тесс».

На мгновение законы реальности пошатнулись, и ты ожила. Я рванулась к трубке.

– Дорогая? Ты меня слышишь? – встревоженно произнес Тодд.

Твой голос оказался всего лишь приветствием, записанным на пленку автоответчика.

– Беатрис?

– Ее нашли в общественном туалете. Она пролежала там пять дней. Одна.

В трубке повисла тишина: в сценарий Тодда новость не вписывалась.

– Я прилечу, как только смогу.

Тодд был моим спасательным кругом. За это я его и выбрала. Что бы ни случилось, я могла на него рассчитывать.

Я взглянула на полотна, забытые Эмилио. На всех без исключения была твоя обнаженная фигура. В этом плане ты не страдала застенчивостью, не то что я. По всей вероятности, картины писал Эмилио. И на каждой твое лицо было отвернуто в сторону.

– Наутро вы пошли со своими подозрениями к детективу Финборо? – спрашивает мистер Райт.

– Да. Он сказал, что Эмилио поступил крайне бестактно, но не более того. А еще добавил, что коронер запросил протокол вскрытия и что следует дождаться результатов, прежде чем делать поспешные выводы или предъявлять обвинения.

Спокойная, размеренная речь детектива привела меня в бешенство. Возможно, в своем неустойчивом психическом состоянии я просто завидовала его уравновешенности.

– Я надеялась, что сержант Финборо хотя бы задаст Эмилио Коди вопрос, где тот находился в день убийства. Детектив же сказал, что дата смерти Тесс будет установлена только в ходе вскрытия.

Мисс Влюбленная Секретарша приносит минеральную воду, и я рада нечаянному перерыву. Почему-то очень хочется пить. Я жадно глотаю воду, попутно замечая сперва перламутрово-розовый лак, которым покрыты ногти секретарши, потом – обручальное кольцо на безымянном пальце. И почему я вчера обратила внимание только на левую руку мистера Райта? Мне становится жаль супруга Влюбленной Секретарши: не изменяя мужу на самом деле, жена мысленно наставляет ему рога с девяти до половины шестого каждого будний день.

– Спасибо, Стефани, – с улыбкой благодарит мистер Райт. Его улыбка лишена какого-либо подтекста, но подкупает

своей искренностью и именно из-за этого может быть истолкована неправильно. Дождавшись, пока Стефани удалится, я продолжаю:

– И я решила сама поехать к Эмилио.

Я снова возвращаюсь в то рваное прошлое. Перламутровый лак и обручальное кольцо немного прибавляют мне уверенности.

Я вышла из участка. В душе, прорывая пелену усталости, кипел гнев. Сержант Финборо сказал, что точная дата твоей смерти пока неизвестна, а я уже знала, что тебя убили в четверг. Ты рассталась с Саймоном у озера в Гайд-парке, как он и говорил, но из парка ты не вышла. Все остальное не имело значения.

Я позвонила в твой колледж. Секретарша с немецким акцентом сухо информировала меня, что Эмилио работает на дому, проверяет курсовые. Услышав, что я – твоя сестра, она смягчилась и дала мне его адрес.

По дороге я вспоминала наш с тобой разговор о том, где живет твой любовник.

– Понятия не имею. Мы встречаемся либо в колледже, либо у меня.

– Что же он в таком случае скрывает?

– Да ничего, мы просто не обсуждали эту тему.

– Думаю, он живет где-нибудь в Хокстоне. Модное ме-

стечко, как раз для среднего класса, плюс соседство с бедными кварталами, которое придает ему дополнительный шик.

– Ты терпеть не можешь Эмилио, верно?

– А стены, как положено, расписаны граффити, для поддержания образа городских джунглей. Скорее всего по ночам твой приятель выходит на улицы с баллончиком краски, чтобы район сохранил «самобытность» и не превратился в обыкновенное место обитания молодых мамаш и клерков со средним доходом. Соседи наверняка ему благодарны.

– Чем он перед тобой провинился?

– Даже не знаю. Может, просто затащил в постель мою младшую сестру, сделал ей ребенка и отказался от всякой ответственности.

– Тебя послушать, так я полная дуручка и мной можно вертеть как угодно.

Я промолчала; твои слова повисли в пространстве между двумя телефонами.

– Ты еще забыла упомянуть, что Эмилио – мой препод и что он злоупотребил служебным положением, – хихикнула ты.

Ты никогда не воспринимала мою серьезность всерьез.

Что ж, я выяснила, где он живет. Это не Хокстон и не Брикстон и не один из тех кварталов, куда толпой валит средний класс, едва там откроется кафе, где подают латте с обез-

жирным молоком. Это Ричмонд, восхитительный, уютный Ричмонд. И дом у Эмилио не какой-нибудь образец хай-тека, а настоящая жемчужина эпохи королевы Анны. Чего стоит один сад перед домом – по размерам он не уступит целой улице в Пекхэме, а то и двум. Я пересекла этот внушительный сад и постучала старинным дверным молотком.

Тебе не верится, что я через все это прошла? Возможно, в моих действиях ты видишь перебор, но рвущая душу боль заставляет забыть о рамках. Эмилио открыл дверь, и мне на ум сразу пришли шаблонные эпитеты из любовных романов: «дьявольски красив», «животный магнетизм» – определения, несущие в себе угрозу.

– Это вы убили мою сестру? – в лоб спросила я. – В прошлый раз вы не ответили.

Он попытался закрыть дверь, я ее удержала. Я еще никогда не применяла физическую силу против мужчины и, к собственному удивлению, оказалась довольно сильна. Занятия с личным тренером, которые я аккуратно посещала, все-таки не прошли даром.

– Тесс говорила домовладельцу, что кто-то изводит ее телефонными звонками. Вы?

Из глубины коридора послышался женский голос:

– Эмилио?

На порог вышла его жена. У меня сохранилась наша с тобой переписка.

От: tesshemming@hotmail.co.uk

Кому: Беатрис Хемминг, на Айфон

Привет, Би!

Я спрашивала Э. насчет нее еще до того, как у нас все началось. Он сказал, что они поженились в спешке, что общаются по минимуму, но не считают свой брак ужасной ошибкой. Им легко друг с другом, хотя сексуальные отношения прекратились несколько лет назад. Ни Э., ни жена не ревнуют друг друга. Ты довольна?

Целую,

Т.

От: Беатрис Хемминг, с Айфона

Кому: tesshemming@hotmail.co.uk

Дорогая Тесс!

Как удобно для Э. Полагаю, она тоже не первой молодости, и, поскольку природа гораздо суровой обходится с женщинами, нежели с мужчинами, разве у миссис К. есть выбор? Нет, я не довольна.

L.O.L.,

Би.

P.S. Почему ты выбрала для писем шрифт «Coreyshand»? Читается с трудом.

От: tesshemming@hotmail.co.uk

Кому: Беатрис Хемминг, на Айфон

Дорогая Би!

Ты не колеблясь идешь по натянутому канату, именуемому тропой морали, тогда как я срываюсь вниз от малейшего дуновения ветерка. И все-таки я верю Э. Никто же не страдает, правда?

Целую,

Т.

P.S. Мне казалось, это вполне подходящий шрифт.

P.P.S. Ты знаешь, что L.O.L. означает «умираю со смеху»?

От: Беатрис Хемминг, с Айфона

Кому: tesshemming@hotmail.co.uk

Дорогая Тесс!

Послушай, ты ведь не настолько наивна? Не глупи.

L.O.L.,

Би.

(Для меня L.O.L. значит «с любовью»⁴.)

От: tesshemming@hotmail.co.uk

Кому: Беатрис Хемминг, на Айфон

«Не глупи»? А дальше ты скажешь, что я должна расстаться с Э.? Бросай ты эти Штаты и возвращайся домой. Хорошего дня, сестренка.

⁴ Аббревиатура L.O.L. (*англ.*) может расшифровываться как «laughing out loud» – «умираю со смеху» или «lots of love» – «с любовью», «море любви».

Целую,
Т.

* * *

Я представляла себе женщину сорока с небольшим лет, чья красота несправедливо поблекла, тогда как муж сохранил привлекательность. Рассчитывала увидеть супругов, которые выглядели ровесниками в двадцать пять, но не в сорок пять. Однако женщине в дверях явно не исполнилось и тридцати, и у нее были удивительные светло-голубые глаза.

– Эмилио, что здесь происходит?

Интонации хрустально-чистого голоса выдавали в ней аристократку; дом, очевидно, принадлежал ей. Не взглянув на нее, я адресовала вопрос Эмилио:

– Где вы были в прошлый четверг, двадцать третьего января, – в день, когда убили мою сестру?

Эмилио обернулся к жене:

– Речь об одной из моих студенток, Тесс Хемминг. Про нее еще говорили вчера в новостях, помнишь?

Почему я не видела этого выпуска новостей? Где находилась? В морге, рядом с тобой? Или у мамы? Эмилио обнял жену за плечи и сдержанно проговорил:

– Это старшая сестра Тесс. Она сейчас переживает очень тяжелый период и... кидается на всех.

Этот человек хотел отделаться от меня. Отделаться от те-

бя.

– Ради Бога, не лгите! Тесс была вашей любовницей. А со мной вы знакомы только потому, что вчера вломились к ней в квартиру и пытались вынести картины.

Жена устремила на него взгляд светло-голубых глаз. Выражение ее лица вдруг показалось мне беспомощным. Эмилио стиснул плечо супруги.

– Тесс влюбилась в меня и совершенно потеряла голову, только и всего. Напридумывала себе бог знает чего. Затем фантазия вышла из-под контроля. Я хотел убедиться, что у нее дома не осталось ничего компрометирующего.

Да, я произнесла именно те слова, которых ты от меня ждала:

– Ребенок – тоже фантазия?

Эмилио все так же прижимал жену к себе. Та стояла молча.

– Никакого ребенка нет!

Прости, родная. И за следующую сцену тоже.

– Мамочка!

На порог выбежала маленькая девчушка. Жена Эмилио взяла девочку за руку.

– Тебе пора в кроватку, солнышко.

Я как-то спросила, есть ли у него дети. Тебя возмутил сам вопрос. *«Разумеется, нет, Би!»* – ответила ты. – *«Разумеется, нет! Будь у него дети, разве стала бы я с ним спать? За кого ты меня принимаешь?»* Твои моральные границы гораздо

шире моих, однако же они существуют и ты не позволила бы себе переступить черту. Ни за что не позволила бы, пережив уход отца. Вот почему твой любовник скрывал, где живет.

Эмилио с силой захлопнул дверь перед моим носом, на этот раз я бы ее не удержала. Лязгнула металлическая цепочка.

– Оставьте нас в покое!

Каким-то образом я превратилась в безумицу, осаждающую чужое жилище, тогда как Эмилио являл собой главу небольшой семьи, укрывающейся от преследований за стенами своего прекрасного старинного дома. Знаю, вчера я действовала по сценарию полицейской телепередачи, сегодня – голливудского фильма, но в реальной жизни – по крайней мере в моей – не было сценария для происходящего.

Я осталась в саду перед домом. Опустились сумерки, сильно похолодало. В этом чужом заснеженном месте у меня в голове почему-то играли рождественские гимны. Тебе всегда нравились веселые: «Колокольчики, звените», «Мы, волхвы с Востока», «Храни вас, джентльмены, Бог» – те, в которых поется о радости, подарках и веселье. А мне больше по душе спокойные и мелодичные: «Тихая ночь, святая ночь», «И в полночь ангел вострубил». Сейчас в голове крутились строчки: «Среди зимы суровой / Тоскливо ветер выл. / Мороз сковал и землю / И реки льдом покрыл»⁵. Рань-

⁵ Строчки из стихотворения Кристины Россетти (1830–1894), английской поэтессы, сестры живописца и поэта Данте Габриеля Россетти.

ше я не знала, что это скорбная песнь тех, кто понес тяжкую утрату.

Мое безмолвное пение прервала жена Эмилио. Она приблизилась ко мне в свете сенсорного фонаря, вспыхнувшего на крыльце. Наверное, решила успокоить сумасшедшую, пока та – то есть я – не натворила беды.

– Нас не представили друг другу. Меня зовут Синтия.

Видимо, самообладание у аристократов в крови. Я невольно откликнулась на это формальное проявление вежливости и протянула руку:

– Беатрис Хемминг.

Она скорее стиснула, чем пожала, мою ладонь и произнесла чуть теплее:

– Примите мои соболезнования. У меня тоже есть младшая сестра. – Голос Синтии звучал искренне. – Вчера вечером, сразу после выпуска новостей, он сказал, что забыл в колледже ноутбук. Муж хорошо умеет лгать – вещь дорогостоящая и на самом деле нужная для работы. Но перед ужином я видела ноутбук в кабинете и подумала, что Эмилио опять ходит «налево». – Синтия говорила торопливо, как будто хотела побыстрее развязаться с неприятным вопросом. – Я знала о его интрижке, просто не хотела скандала. А в последние несколько месяцев была уверена, что с этим покончено... Я получила по заслугам. Да, так мне и надо. Я ведь увела его у первой жены. Только сейчас понимаю, через что ей пришлось пройти.

Я промолчала, но в этой неожиданной ситуации почему-то ощутила симпатию к совершенно чужой мне женщине. Сенсорный фонарь на крыльце мигнул и погас, мы очутились в полумраке. Темнота странно сближала.

– Что случилось с их ребенком? – спросила Синтия.

Для меня этот малыш всегда был только твоим.

– Умер.

В полумраке я разглядела, что в глазах Синтии заблестели слезы. Что она оплакивала – твоего ребенка или свой неудачный брак?

– Сколько ему было?

– Мальчик родился мертвым, так что, наверное, нисколько.

Сразу после появления на свет его ждал покой. Покойный малыш. Синтия непроизвольно коснулась рукой живота. Только теперь я заметила, что она беременна. Срок не очень большой, месяцев пять. Резким движением она вытерла слезы.

– Может быть, вам не понравится то, что я скажу, но в прошлый четверг Эмилио работал дома, раз в неделю у него есть такая возможность. Я была с ним весь день, а потом мы вместе отправились на вечеринку. Мой муж – слабохарактерный человек, что называется, морально неустойчивый, однако он не способен причинить кому-либо вред. По крайней мере физически.

Синтия отвернулась и пошла к дому, но у меня в запасе

оставалась бомба.

– У ребенка Тесс диагностировали муковисцидоз. Это означает, что Эмилио – носитель заболевания.

Бомба сработала. Синтия задохнулась, словно от сильного толчка.

– Но ведь... наша дочь, с ней все в порядке!

Как другие дети знают все о любимой футбольной команде отца, мы с тобой знали все о генетике. Несмотря на неудачно выбранное время, я все-таки попыталась провести экспресс-курс обучения:

– Ген муковисцидоза – рецессивный. Следовательно, даже если и вы, и Эмилио являетесь его носителями, у вас обоих также присутствует здоровый доминантный ген. Шансы вашего ребенка заболеть муковисцидозом оцениваются в двадцать пять процентов.

– А если у меня нет дефектного гена?

– Значит, эта болезнь ребенку не грозит. Носителями должны быть оба – и мать, и отец.

Синтия кивнула, все еще не оправившись от потрясения.

– Пожалуй, мне стоит провериться.

– Да, так будет лучше. Даже в самом худшем случае не нужно отчаиваться. – Я попыталась смягчить удар. – Недавно появился новый метод лечения.

– Спасибо, вы очень добры. – От этих слов в заснеженном саду повеяло теплом.

Эмилио вышел на порог и окликнул жену. Синтия никак

не отреагировала. Глядя мне в глаза, она твердо произнесла:
– Надеюсь, полиция найдет убийцу вашей сестры.

Синтия развернулась и медленно пошла к дому. Сенсорный фонарь залил дорожку ярким светом. Эмилио попытался обнять жену, но та дернула плечом и крепко обхватила себя руками. Увидев, что я наблюдаю за ними, Эмилио отвернулся.

Я стояла во мгле зимнего вечера, пока все огни в доме не погасли.

Глава 6

На обратном пути, когда я вела машину по предательски скользкому шоссе, позвонил Тодд. Он сказал, что прилетает в Хитроу завтра утром, и мысли о нем сделали дорогу чуть более надежной.

Утром, стоя в зале прилета, я не узнала его среди пассажиров и продолжала искать глазами в толпе – кого? Другого, идеального Тодда? Или тебя? Когда я все-таки его разглядела, он показался мне худощавее и меньше ростом, нежели я помнила. Первое, о чем я спросила, – не приходило ли письмо от тебя. Нет, не приходило.

Он привез целый чемодан одежды – все, что, по его мнению, могло мне понадобиться, включая приличный костюм для похорон и снотворные таблетки, прописанные моим лечащим врачом в Штатах. С самого приезда Тодд начал следить за тем, чтобы я питалась как следует. Знаю, мое описание несколько обрывочно и бессвязно, но так я чувствовала.

Тодд был моим страховочным тросом, однако даже он не мог удержать меня от падения.

Я не стала рассказывать мистеру Райту о Тодде, оставив для записи только стычку с Эмилио на пороге его дома и разговор с Синтией в саду.

– Еще до встречи с Эмилио я знала, что у него есть мотивы

для убийства: он боялся лишиться работы и разрушить свой брак. Теперь же я убедилась, что этот человек способен лгать и извращать правду нужным ему образом. Даже глядя в глаза мне, сестре убитой, он утверждал, что Ксавье – не более чем выдумка чокнутой студентки.

– А что вы скажете насчет миссис Коди? Вы поверили в алиби, которое она обеспечила мужу?

– Поначалу да. Жена Эмилио мне понравилась. Однако позже мне пришло в голову, что она также могла сказать неправду, чтобы защитить дочку и будущего ребенка. Я подумала, что дети для нее на первом месте, и ради них она готова спасти мужа от тюрьмы. Наверняка именно из-за дочки Синтия не ушла от Эмилио, узнав о его изменах.

Мистер Райт пробегает глазами какую-то распечатку, лежащую перед ним на столе.

– В полиции вы умолчали об этой встрече, верно?

Должно быть, он просматривает детализацию моих телефонных звонков, сделанную по запросу полиции.

– Верно. Два дня спустя детектив Финборо сказал мне, что Эмилио подал на меня жалобу начальнику отдела, инспектору Хейнзу.

– Вы догадывались о причинах?

– Нет, не догадывалась и вообще в тот момент не думала об Эмилио. В этом же звонке сержант Финборо сообщил, что готовы результаты вскрытия. Я удивилась быстроте, но он сказал, что эксперты, как правило, стараются не затягивать

процедуру, чтобы поскорее отдать тело родственникам для похорон.

Прости, что тебя пришлось снова резать. Коронер потребовал произвести вскрытие, мы тут ничего не решали. Хотя, думаю, ты не против. Ты была прагматиком и никогда не испытывала сантиментов по поводу брэнного тела. Когда умер Лео, мы с мамой прижимали его к груди, теща себя иллюзией, что обнимаем нашего родного мальчика, а не пустую оболочку. Ты же, хоть и всего шести лет от роду, мудро вышла из комнаты. Твое мужество вызывало у меня жалость.

А я, напротив, всегда относилась к мертвой плоти с благоговением. Обнаружив в клетке трупик Дюймовочки, ты принялась с любопытством тыкать в нее тонкими пальчиками, на ощупь изучая смерть, тогда как я завернула бедную крольчиху в шелковый шарф, убежденная, что мертвое тело священо. Мне было десять, тебе – пять. Ты смеешься? Я до сих пор верю в то, что тело – нечто большее, чем просто сосуд для души.

Однако ночью того дня, когда тебя нашли, у меня возникло стойкое ощущение, что твоя душа покидает тело и этот вихрь засасывает в себя все, связанное с тобой в жизни. Ты словно бы закручивала райские облака в противоположную сторону. Не знаю, откуда возник этот образ – может, его навеяла репродукция Шагала у тебя на кухне – легкие, воздушные люди, парящие в вышине. Как бы то ни было, я четко поняла: в твоём теле не осталось ни одной частички души.

Мистер Райт внимательно смотрит на меня. Сколько же я просидела молча?

– Как вы отнеслись к необходимости вскрытия? – спрашивает он.

– Меня почему-то не волновало, что сделают с телом, – отвечаю я, благоразумно решив оставить Шагала и райские облака при себе. И все-таки чуть-чуть раскрываюсь: – Когда умирает ребенок, детское тельце сохраняет в себе его личность – наверное, потому, что малыша можно взять на руки, обнять целиком, понимаете? А когда мы вырастаем и не помещаемся на руках, тело перестает воплощать нашу индивидуальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.